

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 4 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 и 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-ое ЮНЯ 1882

2 юня умеръ на остр. Капрерѣ **ДЖУЗЕПЕ ГАРИБАЛДИ**, одинъ изъ величайшихъ героев повѣйшаго времени, симпатичнѣйшій представитель политической демократіи и одинъ изъ рѣдкихъ образцовъ идеалистической практичности.

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Смерть Дж. Гарибалди. — 2) Чиновничьи продѣлки и статья г. Леруа-Болье. — 3) Отмѣна подушной подати. — 4) Замѣна гр. Игнатъева гр. Дм. Толстовымъ или послѣ ранъ скорпіоны. — 5) Отъ редакціи. — 6) Воинственные признаки въ Германіи. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 7) Изъ міра петербургскаго благочестія и охранительности. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 8) Статистическое изслѣдованіе экономической жизни петербургскихъ рабочихъ. (Корресп. «Вольнаго Слова»). — 9) Полицейскій «надзоръ», Василія Сидорацкаго. — 10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. П. Радикалы и общинное самоуправленіе. — 11) Статья русскаго революціонера въ англійскомъ журналѣ. — 12) Хроника социально-экономической войны. Государственный социализмъ князя Бисмарка. — 13) Къ біографіи А. И. Желябова, М. Драгоманова.

ЖЕНЕВА, 15 юня 1882 г.

Наши центральныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы падѣлять страну благами хорошаго управленія, на сколько возможно, согласуя народную волю и народныя нужды съ намѣреніями верховной власти, т. е. подчиняя или совѣтуя подчинивъ послѣднія первымъ, не только ничего не дѣлаютъ на пользу пресловутаго «единенія царя съ народомъ», но какъ бы нарочно стараются вводить въ обманъ верховнаго главу государства на счетъ дѣйствительнаго смысла общественнаго движенія и не пропускать въ общество ни одной здравой идеи о доступныхъ, по условіямъ времени и мѣста, способахъ разрушенія жизни для государства вопросовъ. Еще въ послѣдніе годы прошлаго царствованія разныя вѣдомства пользовались нерасположеніемъ императора къ печатнымъ буквамъ и черезъ посредство главнаго управленія по дѣламъ печати подносили ему произвольные составленныя, р у к о н и с е-

ныя выдержки изъ газетъ и журналовъ. Не удивительно, что императоръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія даже о современныхъ ему слабыхъ проявленіяхъ общественнаго самосознанія въ печати 70-хъ годовъ. Всякій школьникъ, едва обученный грамотѣ, зналъ объ этомъ гораздо болѣе самодержавнаго правителя всей Россіи. Оттого и вышло, что государь повѣсилъ крѣзь своего фамильнаго ордена на шею излюбленному министру внутреннихъ дѣлъ и рескриптомъ, ему даннымъ, объявилъ по всему государству свой искренній восторгъ и признательность за успокоеніе общества, когда послѣднее задыхалось въ атмосферѣ безправія. Убаюканный ложными докладами, онъ предавался игръ въ солдатики и сталъ проводить медовые мѣсяцы втораго брака какъ разъ въ то время, когда изъ казенныхъ складовъ похищались динамитъ и фабриковались бомбы на личную его погильель.

Событіе 1-го марта 1881 г. въ состояніи, казалось бы, умудрить и перазумнаго. Но и послѣ его мы видимъ ту же систему петербургской канцеляріи околпачивать верховную власть и водить за носъ все еще чего то чающее отъ этой власти общество. Министръ Николай, во избѣжаніе нападокъ печати, поднявшей голосъ за «отцевъ и дѣтей» противъ возмутительной системы «народнаго омраченія», практиковавшейся его предшественникомъ 15 лѣтъ къ ряду, первый додумался не предавать гласности всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія, — и дѣйствительно преуспѣлъ въ своемъ намѣреніи, такъ какъ общество ровно ничего не знаетъ о дѣятельности этого министра. Неизвѣстно даже, за какія провинности смѣненъ онъ Деляновымъ. Дворцовая интрига подтасовки и передержки общественнаго мнѣнія — все, разумеется, для вящаго околпаченія самодержца — дошла въ послѣднее время до небывалыхъ размѣровъ. Не только запрятались съ видами министровъ (о чемъ мы уже сообщали), не только спущена со своры цѣлая стая своихъ людей въ печати, покрывающая бѣшеннымъ лаемъ всякій сколько нибудь здравомысленный голосъ, но теперь стало почти невозможно и случаемъ забрести такому голосу въ среду читающей публики. Не то, что за-

грызутъ, а просто на просто исказить самымъ нахальнымъ образомъ, да такъ въ искаженномъ видѣ и представить и публикѣ, и по началству. Именно такую пагубную выходку продѣлали съ послѣднею статьею г. Ан. Леруа-Болье о нынѣшнемъ положеніи Россіи: «Россія при царѣ Александрѣ III. Необходимыя реформы», — напечатанной во 2-й майской книжкѣ Revue des deux Mondes за текущій годъ.

Какъ опытный наблюдатель и основательно знакомый съ условіями русской жизни и съ русскимъ языкомъ, извѣстный французскій публицистъ, специально посвятившій себя изученію «имперіи царей», естественно остановилъ свое вниманіе на хаосѣ, творящемся теперь въ этой имперіи. Собственно говоря, онъ не сказалъ ничего новаго, ничего такого, о чемъ бы, какъ справедливо замѣтила одна издающаяся въ Россіи газета, «не говорилось у насъ повсюду, конечно, въ четырехъ стѣнахъ». Но, во первыхъ, потому, что это говорится только въ четырехъ стѣнахъ, во вторыхъ, говорится всѣми и повсюду, въ третьихъ, говорится вовсе не то, что было бы желательно нашимъ нынѣшнимъ рѣшителямъ судебъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ лицѣ подвѣдомственнаго ему управленія по дѣламъ печати, не потерпѣло, чтобы подобная ересь могла распространяться въ Россіи печатно, хотя бы и на французскомъ языкѣ. По распоряженію иностранной цензуры «статья Леруа-Болье исключена изъ предметовъ, предназначаемыхъ для просвѣщенія русскої публики», т. е. просто-на-просто вырѣзана изъ дошедшихъ въ Россію книжекъ довольно распространеннаго въ средѣ образованныхъ читателей журнала «Revue des Deux Mondes». На этомъ, однако, не остановились. Вырѣзываніе неприятныхъ правительству листковъ изъ иностранныхъ книжекъ входило въ заботы посольскаго приказа еще во времена Алексѣя Михайловича и тогда же составляло немаловажный предметъ для переговоровъ съ представителями иностранныхъ державъ. Но и тогда, какъ теперь, такую мѣрою только возбуждалась въ обществѣ большая охота къ чтенію опальныхъ книгъ. Въ наше же время вырѣзать статью изъ пѣсколькихъ экземпляровъ всеобщаго журнала и на этомъ остановиться — было бы слишкомъ наивно: такая статья весьма

скоро бы появилась въ множествѣ переводныхъ, печатныхъ или литографированныхъ экземпляровъ заграничнаго изданія — и число контрабандныхъ читателей значительно превысило бы число постоянныхъ подписчиковъ и читателей «*Revue des Deux Mondes*». Чтобы достигнуть оцутительнаго результата, надо было идти далѣе — попытаться отбить охоту къ чтенію. И вотъ за исполненіе этой то унизительной для публициста задачи взялись двѣ столичныя газеты, наиболѣе отличающіяся рвеніемъ къ политическому застою: «Московскія Вѣдомости» въ Москвѣ и «Новое Время» въ Петербургѣ, то самое «Новое Время», которое въ эпоху «вѣяній» преклонялось передъ отзывами о Россіи г-на Леруа-Болье. Обѣ газеты накинудись на французскаго публициста, каждая по своему. «Московскія Вѣдомости» прямо обозвали его поддерживателемъ въ Россіи «либеральнаго шарлатанства» и, вламываясь въ національную амбицію, разразились упреками и иностранцу за вмѣшательство въ наши дѣла, при чемъ этому вмѣшательству, по обычаю газеты, приданъ характеръ «интриги» и «крамолы». «Новое Время» не ругается, оно, напротивъ, гладитъ этого иностранца по головкѣ, но, гладя, старается опачкать его приравненіемъ къ русскимъ націоналистамъ и лжетъ безъ всякаго зазвѣнія совѣсти, приписывая г-ну Леруа-Болье такіа сужденія о русскихъ дѣлахъ, на которыя даже малѣйшаго намека въ его статьѣ не имѣется. По отзыву, сдѣланному этою газетою, выходитъ, что авторъ разсматриваемой статьи отвергаетъ всякую необходимость для Россіи свободныхъ учреждений и рекомендуетъ слѣдовать чисто національной политикѣ, такой, разумѣется, какую проповѣдуетъ само «Новое Время» и его внушители. Понятно, что послѣ такого заявленія у многихъ упадетъ охота прочесть статью г-на Леруа-Болье въ подлинникѣ, особенно когда это сопряжено съ большими затрудненіями, благодаря вышеупомянутому распоряженію иностранной цензуры. Припятое же вмѣствъ съ тѣмъ запрещеніе газетамъ и журналамъ приводить цитаты изъ опальнаго сочиненія, т. е. цитировать его безъ искаженія словъ и замаскированія мыслей автора, достаточно обезпечиваетъ сохраненіе петербургской лжи и московской клеветы въ полной неприкосновенности, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Само собою разумѣется, что старашими главнаго управленія по дѣламъ печати и въ загородную Александрію статья эта попадетъ не иначе, какъ съ надлежащимъ освѣщеніемъ, смотря по надобности, — въ патконскомъ или въ повременскомъ духѣ. Стало быть, и царю не доведется услышать разумнаго слова даже изъ иностранныхъ устъ.

Такъ какъ взгляды статьи г. Ан. Леруа-Болье во многомъ сходятся съ тѣми, которые проводились и на страницахъ нашего изданія, — (естъ, впрочемъ, и отличія) то мы очень бы желали возможно обстоятельнѣе познакомить нашихъ читателей съ этой статьею. Сегодня мы не имѣемъ

для этого мѣста и ограничимся только бѣглымъ обзоромъ ея содержанія.

Французскій публицистъ, человекъ вообще довольно умѣренныхъ политико-соціальныхъ теорій, — начинаетъ съ заявленія, что царю Александру III-му досталось наслѣдство еще болѣе трудное, чѣмъ въ свое время его отцу, потому что послѣдніе годы правленія его отца не только не были прогрессомъ, сравнительно съ прошлымъ, а явились временемъ запутанности и реакціи. «Никогда, можетъ быть, говоритъ авторъ, не было правительства столь нерѣшительнаго и противурѣчиваго, не умѣющаго ни кончить, ни разрушить то, что оно начало.» Обозрѣвая правительственный строй Россіи, авторъ указываетъ, что онъ весь основанъ на бюрократическомъ началѣ, — и при этомъ сама бюрократическая машина не отличается даже внѣшнимъ порядкомъ. На верху ея — министерства, государственный совѣтъ, совѣтъ и комитетъ министровъ и, кромѣ всего, личные доклады министровъ и временщиковъ, удостоиваемые высочайшаго утвержденія, — представляютъ полный хаосъ, производящій только полную правительственную анархію. Внизу — безправныя земскія учрежденія и самовластная, невѣжественная и хищная бюрократія, довершающая эту анархію и истощающая страну. Радикальный въ отрицаніи существующаго положенія, авторъ, правда, очень умѣренъ въ своихъ практическихъ совѣтахъ, но тѣмъ не менѣе не оставляетъ сомнѣній о томъ, въ какомъ направленіи онъ желалъ бы произведенія «необходимыхъ реформъ» въ политическомъ строѣ Россіи. Такъ, желая установленія на верху этого строя, по крайней мѣрѣ, «солидарнаго министерства», онъ не скрываетъ мнѣнія, что учрежденіе «перваго министра», при сохраненіи всѣхъ настоящихъ условій жизни Россіи, было бы только созданьемъ «визирата», и одобряетъ проэктъ солидарнаго кабинета только какъ шагъ къ органиченію царскаго самодержавія и какъ переходъ къ правленію конституціонному. «Солидарный кабинетъ, говоритъ онъ, коллективно отвѣтственный передъ государемъ, въ ожиданіи, пока онъ можетъ стать отвѣтственнымъ передъ націей, кажется, не безъ основанія, многимъ русскимъ первымъ шагомъ по дорогѣ конституціонной» (стр. 385). Переходя къ нижнимъ этажамъ политическаго строя Россіи, авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается за земское представительство противъ чиновничества. «Для сѣверной имперіи, говоритъ онъ, провинціальныя вольности составляютъ въ настоящее время столько же потребность физическую, сколько и нравственную, необходимость экономическую не менѣе, чѣмъ приличіе политическое». Авторъ указываетъ на мнѣнія славянофильской публицистики, на ея походъ противъ «бюрократическаго средоточія» и при этомъ даже дѣлаетъ усердный комплиментъ одной изъ отрицательныхъ статей «Руси» (болѣе усердный, чѣмъ она заслуживаетъ), но безъ раздѣленія иллюзій и расплывчатости положи-

тельныхъ проэктвъ г. И. Аксакова и Ко. Онъ указываетъ только на то, что въ ненависти къ бюрократіи сходятся въ Россіи оба направленія, — либерально-западническое, какъ и монархическо-московское, — что оба они желаютъ мѣстнаго самоуправления. Относительно московской иллюзіи примиренія земскаго самоуправления внизу съ царскимъ самодержавіемъ наверху, авторъ говоритъ въ такомъ родѣ: «Я не стану здѣсь доискиваться, сколько неопытности и иллюзій заключаетъ въ себѣ эта московская теорія. Одно вѣрно, что она имѣетъ за себя сторонниковъ искреннихъ (?), интеллигентныхъ, ревностныхъ, — и въ интересахъ страны, какъ и государя, было бы желательно, чтобы она была наконецъ (*une bonne fois*) испытана на дѣлѣ. Какъ бы намъ ни казалась химерическою подобная комбинація свободы и самовластія (*absolutisme*), — это послѣднее убѣжище самодержавія *), единственное для него средство продлить свое существованіе, принаравливаясь къ нуждамъ страны».

Очевидно, авторъ считаетъ опытъ съ мѣстными вольностями — по опыту, конечно, вполне честный — за минимумъ того, что должно бы сдѣлать правительство Александра III. Авторъ только забылъ, занятый вопросомъ административнаго характера, — упомянуть о вольностяхъ личныхъ (*habeas corpus*, свобода вѣры, печати, сходовъ, школы, товариществъ) и коллективномъ видѣ ихъ: вольностяхъ національностей. Это тоже «необходимыя реформы», какъ въ добавокъ и амнистія — также необходимая мѣра для мира царя съ населеніемъ Россіи, подобнаго тому миру, какой заключилъ его отецъ въ началѣ его царствованія съ иностранными державами.

Увидимъ ли мы этотъ миръ и эти «необходимыя реформы» истекающими сверху? Сомнительно! Во всякомъ случаѣ, въ этихъ реформъ, какъ справедливо говоритъ г. А. Л. Болье, — «Романовымъ предстоитъ только два выбора: или поддержаніе болѣе или менѣе замаскированнаго, болѣе или менѣе постыднаго *statu quo*, истощающаго страну, вѣдми громко осуждаемаго, явно обреченнаго къ гибели, состоянія, которое глухо подкапываетъ государство и династію и которое кончитъ тѣмъ, что сдѣлаетъ неизбежнымъ то, что еще вчера казалось наименѣе вѣроятнымъ, революцію; — или большая внѣшняя диверсія, для которой Россія не приготовлена ни дипломатически, ни въ финансовомъ, ни въ военномъ отношеніи, героическое искупленіе приключеній, въ концѣ котораго имперія можетъ наткнуться на раздѣленіе, не избѣжавъ, быть можетъ, революціи или періода смуты и анархіи, похожаго на великое смутное время XVII в.».

Отмена подушной подати. Двадцать два года тому назадъ образована была коммисія для приготовленія отмены этой несправедливѣйшей по принципамъ и сущности по способу взиманія подати. Теперь наконецъ воз-

*) Въ оригиналѣ *de l'aristocratie*; но это, очевидно, опечатка, вм. *autocratie*.

вѣщена отъѣздомъ, которая совершится въ теченіе восьми лѣтъ съ 1 января 1883 г. $22 + 8 = 30$ лѣтъ! Интересно, что Екатерина II увѣрила, будто пространство Россіи требуетъ самодержавной монархіи — для быстроты хода дѣла, и что еще недавно «Русь» потѣшалась надъ медленностью обсужденія аграрнаго прусскаго билля въ англійскомъ парламентѣ. Глупые британцы: съ этими парламентами всего по одному радикальному биллю въ сессію проводить. То ли дѣло у насъ! Впрочемъ, у насъ вообще дуракомъ нужно быть, чтобъ не вѣть арін изъ «Опричниковъ»: «Житіе у насъ! и умирать не падо!»

Замѣна гр. Ивнатьева гр. Дм. Толстымъ или послѣднее скорпіонъ. Столько разъ возмущенная въ послѣднее время отставка гр. Ивнатьева наконецъ состоялась. Конечно, нигдѣ здравомыслищій человекъ въ Россіи не покажетъ о Меншиковѣ-Пантѣ, но радоваться появленію на его мѣстѣ гр. Дм. Толстаго можно, только ставши на ту точку зрѣнія, стоя на которой, мы закончили въ прошломъ № замѣтку о статьѣ «Que faire?» — которая, вмѣстѣ съ современными ей статьями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», была какъ бы увертюрой къ той трагикомедіи, которую теперь начнутъ разыгрывать надъ Россіей гр. Толстой и его московская индѣя. «Если русское самодержавіе не повалитъ либеральная и революціонная оппозиція, — то его доконаютъ монархисты и консерваторы» говорили мы, и съ этой стороны готовы пригласовать новаго визиря Россіи. Прошлое этого визиря въ званіи оберъ-прокурора синода и министра народнаго просвѣщенія достаточно ярко: полпѣйскій классицизмъ, проведение котораго поручалось людямъ безъ сердца и чести, иногда завѣдомымъ уголовнымъ преступникамъ (вспомните оренбургскую историю учителя чеха), завѣдомая ложъ цифрами школьной статистики и принесеніе въ жертву сотнямъ молодыхъ карьеръ для произведенія на царя сенсаций подтасованными цифрами, борьба съ земствами и печатно, ненависть къ образованному разночинству и къ мужику, котораго гр. Толстой умилительно оставлялъ сначала вовсе безъ школы (или, что все равно, съ поповской школой), а потомъ, когда этого приѣма нельзя было продолжать, — безъ порядочной школы, насильственное обращеніе униговъ въ православіе, изгнаніе національныхъ языковъ изъ школъ Царства Польскаго, противное даже неотлучному закону 1864 г., участіе (вм. съ Потаповымъ, Тимашевымъ и Юзефовичемъ) въ коммисіи, которая рѣшила запретить украинскую литературу, театръ и даже музыку, и проч. и проч., — вотъ что представляется намъ прошлое новаго визиря. Чего же добраго ждать отъ будущаго? Ну, что же скажете теперь вы, земства и думы, отцы семействъ, празднованіе въ 1880 г. «освобожденіе» Россіи отъ гр. Дм. А. Толстаго? — Печать въ Россіи, конечно, ничего не скажетъ. Она теперь въ когтяхъ у конки

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующую корреспонденцію изъ Лейпцига, которая получаетъ особый смыслъ послѣ недавней рѣши ки. Бисмарка, которую нѣмецкій канцлеръ не совѣмъ, но видимо, кстаніи закончилъ заключеніемъ, что союзъ Германіи съ Австріей представляется непреодолимую силу въ центрѣ Европы, и пригласилъ всѣ партіи къ единенію въ нѣмецкомъ національномъ духѣ. Какое единеніе противопоставитъ этому полицейско-катковская Россія?

ВОИНСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ВЪ ГЕРМАНИИ. Лейпцигъ, 8 июня.

Въ Лейпцигѣ съ недавняго времени получила замѣчательное развитіе дѣятельность издательской фирмы И. Г. Финдель, преимущественно въ видѣ выпуска въ свѣтъ популярныя брошюры, нападающія на социалистовъ, партикуляристовъ (т. е. пріверженцевъ внутренней самостоятельности мелкихъ германскихъ государствъ) и вообще всѣхъ несо-

гласныхъ съ политикой Бисмарка. Последняя же выставляется въ брошюрахъ, поддѣлывающихся подъ народный языкъ, какъ единственная демократическая и социалистическая политика. — «Если нѣмецкая демократія дѣйствительно хочетъ работать для народнаго блага, то она должна поддерживать мѣры князя Бисмарка» — утверждаетъ съ большою горячностью издатель въ брошюрѣ: *Des Reichskanzlers Wohlfahrtspolitik und die Demokratie*, v. J. G. Findele.

Въ послѣдніе 2—3 мѣсяца, Финдель получилъ, повидимому, заказъ отъ своего патрона проводить въ народъ необходимость и неизбежность войны съ Россіей, что онъ и дѣлаетъ съ обыкновенными своимъ усердіемъ и убѣдительною. Брошюры въ 1—2 листа, за 30 или 50 мѣнниговъ, расходятся быстро и одно изданіе смѣняется другимъ. Последнее произведеніе: *Der deutsche Krieg mit Russland. Zeitgemaeße Betrachtungen*, вышло третьимъ изданіемъ въ нѣсколько недѣль и готовится четвертое.

Анонимный авторъ развиваетъ мысль, что русскій народъ отъ природы варварскій и что его дикіе интересы сдерживались до сихъ поръ одною религіею; теперь ослабѣла эта единственная узда, и онъ впадетъ въ нигилизмъ и панславизмъ. Акаковъ захватилъ все въ свои руки, поставилъ Ивнатьева министромъ, а Скобелева уже посылалъ на Германію; поэтому, нѣмцамъ нечего дожидаться пока русскіе соберутся съ силами, а слѣдуетъ напасть самими. Этимъ онъ лучше всего побѣдитъ и домашнихъ враговъ, противниковъ великаго канцлера, единственнаго доброжелателя германскаго народа. Лучшее средство отогнать русскихъ и русскую таможенную линію подальше на востокъ, — возстановить Польшу и включить ее вмѣстѣ съ Австро-Венгріей въ общій съ Германіей таможенный союзъ, который подниметъ германскую промышленность и т. д. *).

Аргументы не разборчивы, по рельефны и цѣль ясна. Манера популяризовать политическіе и социальные планы правительствъ кажется очень удачною и ужъ, конечно, не чета нашему «Сельскому Вѣстнику» и другимъ народнымъ изданіямъ.

Брошюры эти во всякомъ случаѣ важны, какъ одинъ изъ симптомовъ того, что насъ всѣхъ, т. е. членовъ могущественной Россійской имперіи, можетъ ожидать въ недалекомъ будущемъ. Недурно было бы объ этомъ подумать нашимъ и охранительнымъ, и освободительнымъ. Вообще маломальски привычный глазъ здѣсь можетъ увидѣть многое, о чемъ не говорится въ газетахъ. Нѣмцы просто насъ бить собираются и будутъ бить слава, съ восторгомъ, mit Pietät vor dem germanischen Geiste und der deutschen Cultur u. s. w. Просто смотрѣть было бы прелесть, если бы не ожидалъ, что будутъ отиѣчать собственныя бока. Говорилъ я недавно съ однимъ социалистомъ, — онъ заранѣе въ восторгѣ: «послѣ войны намъ будетъ лучше, говоритъ; все равно, кого бы ни побѣди, а нашихъ панславистовъ нужно такъ проучить». Нѣмецкіе же консерваторы хотятъ проучить «нигилистовъ», — а «нигилисты» у нихъ идея еще болѣе широкая, чѣмъ въ Россіи....

ИЗЪ МИРА ПЕТЕРБУРГСКАГО БЛАГОЧЕСТІЯ и ОХРАНИТЕЛЬНОСТИ.

Рядъ скандальныхъ процессовъ, которые въ послѣднее время въ Петербургѣ заняли мѣсто политическихъ событій, скоро обогатится новымъ процессомъ, обещающимъ любопытныя открытія. Дѣло идетъ объ одномъ славящемся своєю честностью и безкорыстіемъ сенаторѣ М., который «изъ человѣколюбія» принялъ на себя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, званіе опекуна двухъ рожденных внѣ брака дочерей одного высокопоставленнаго лица. Опекуны, руководясь нравственными и религіозными побужденіями, воспитали матери своихъ питомцевъ видаться съ ея дочерьми; когда же послѣдняя протестовала противъ такого воспріятія, то она была призвана въ покойное III-е Отдѣленіе, гдѣ ей объявили, чтобъ она молчала, иначе ее унесутъ въ Сибирь. Черезъ нѣсколько времени, однако, съ матерью, нашедшею поддержку въ административномъ мірѣ, опекуны вступили въ переговоры, и, при посредствѣ III Отдѣленія, заключена была сдѣлка, по которой одна изъ дочерей была возвращена мате-

ри, съ частью записаннаго отцемъ на ея имя капиталъ. Партія матери, повидимому, все успѣвала, и, наконецъ, по упраздненіи III Отдѣленія, которое стояло такъ твердо на сенатора-опекунѣ, успѣла смѣнить его и назначить новаго. Счеты, представленные сенаторомъ, были весьма неудовлетворительны, а, главное, не было никакихъ указаній на то, что сдѣлалось съ 200.000 рубл., которые достались его питомцу по выправшему билету государственнаго займа. Между тѣмъ, питомица была новымъ опекуномъ, тоже весьма чиновнымъ лицомъ, увезена за границу и помѣщена въ высшее учебное заведеніе; не смотря на эту предосторожность, она была окружена агентами перваго опекуна, и по достиженіи ею 14-лѣтняго возраста, дающаго ей право самой выбрать себѣ опекуна, она выбрала опять сенатора М. Понятно, что противоположная партія была выведена изъ терпѣнія и подала жалобу въ судъ; дѣло будетъ скоро разсматриваться въ Петербургскомъ окружномъ судѣ.

Люди, знакомые съ дѣломъ и съ взаимными положеніями партій, сожалеютъ и удивляются, что не произошло соглашенія, т. е. сдѣлки; говорятъ: вѣдь всего споръ о 2 — 300,000 р., обѣ стороны богаты и должны беречь свое имя; ну, какъ не помириться! (т. е. не подлыбиться!) а, тутъ пойдеть такая кутерьма, что кому только не достанется! Свидѣтелями должны будутъ явиться высшіе чиновники бывшаго III Отдѣленія и нынѣшняго Департамента Государственной Полиціи, а также многія высшія административныя и судебныя личности.

Такимъ образомъ, въ этомъ, по существу семейномъ дѣлѣ, мы увидимъ еще разъ самодержавно-чиновничій строй на скамьѣ обвиняемыхъ и еще разъ увидимъ, для какихъ цѣлей можетъ служить такая машина, какъ политическая полиція, называвшаяся недавно III-мъ Отдѣленіемъ, а теперь перекрещенная подъ другою кличкою.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛѢДОВАНІЕ экономической жизни петербургскихъ рабочихъ.

II.

Чтобы ориентироваться при оцѣнкѣ вышеизложенныхъ фактовъ, необходимо сдѣлать краткій очеркъ вышнихъ условій крупной заводской промышленности въ Петербургѣ. Почти всѣ большіе пербургскіе заводы, преимущественно металлургіе, принадлежатъ акціонернымъ обществамъ, во главѣ конхъ неизбѣжно стоятъ, съ одной стороны, антрепренеры (большое число евреи), съ другой, высшіе представители власти. Въ сущности такіе заводы вѣрнѣе назвать безхозяйными, такъ какъ ни одинъ акціонеръ, имѣющій нѣсколько акцій, пріобрѣтенныхъ въ большинствѣ случаевъ изъ биржевой спекуляціи, не интересуется непосредственно дѣлами завода, а соображается въ покупкѣ и продажѣ акцій съ надеждами на дивидендъ. Фактическими хозяевами оказываются члены правленій акціонерныхъ обществъ, игрою случая попавшіе въ должности директоровъ на извѣстное время, которымъ и пользуются для поправленія дѣлъ, не завода или общества, а своихъ собственныхъ. Такой характеръ большинства акціонерныхъ обществъ столицы; цѣль ихъ не развитіе горнозаводской промышленности (таковая по естественного-географическимъ условіямъ немыслима для Петербурга), а нажива однихъ отъ биржевой игры, другихъ — отъ эксплуатаціи самихъ игроковъ — во 1-хъ, казны государственной во 2-хъ и рабочаго люда въ 3-хъ. Что это дѣйствительно такъ, стоитъ только припомнить, что петербургскіе желѣзодѣлательные, плавильные и механическіе заводы должны, во 1-хъ, покупать привозный чугунъ и всѣ сырые матеріалы, во 2-хъ, поку-

*) Напоминаемъ читателямъ помѣщенную въ 30 и 31 №№ нашей газеты статью г. Драгоманова: «Германство на Востокъ и Москвитина на Западъ».

пять заграничное топливо, въ 3-хъ, привлечь изъ провинціи рабочую силу и, въ 4-хъ, сбывать свои произведенія обратно въ провинцію. Примите въ расчетъ провозоспособность нашихъ желѣзнодорожныхъ путей и изолированность природныхъ горнозаводскихъ центровъ — и вы убѣдитесь, что ни одинъ здравомыслящій хозяинъ не осмѣетъ на такихъ шаткихъ данныхъ серьезное, сложное и дорого-стоющее предпріятіе.

Отсюда видно, что между столичною заводскою дѣятельностію и промышленностію Россіи нѣтъ ничего общаго. Въ дѣйствительности большинство заводовъ учреждено разными администраторами будто-бы съ политическими цѣлями, на самомъ же дѣлѣ для легчайшаго расхищенія казенныхъ денегъ подъ благовидными предлогами. Пріемами могутъ служить заводы: Балтійскій судостроительный, Обуховскій сталелитейный, Путиловскій желѣзопрокатный и Невскій локомотивный и судостроительный, дѣятельность которыхъ выразилась безконечнымъ разореніемъ государства, какъ поглощеніемъ казенныхъ субсидій, такъ и подавленіемъ правильного развитія дѣйствительной промышленности естественныхъ горно-заводскихъ центровъ.

Мы займемся исключительно «Невскимъ желѣзодѣлательнымъ, кораблестроительнымъ и паровознымъ заводомъ», принадлежащимъ акціонерному Русскому Обществу механическихъ и горныхъ заводовъ. Условія другихъ заводовъ вполне сходны съ нимъ, и потому ниже приводимыя данныя могутъ быть обобщены на все заводское рабочее население.

Историческое прошлое завода таково: въ шестидесятыхъ годахъ онъ, въ качествѣ кораблестроительнаго и желѣзопрокатнаго, принадлежалъ Семинникову и Полетникъ, но такъ какъ барышей не приносилъ, то главнѣйшая забота Семинникова заключалась въ возможно большемъ изысканіи штрафовъ съ рабочихъ; онъ лично ходилъ по заводу розыскивалъ спящихъ, отлучившихся отъ своего дѣла, разговаривающихъ и т. п. рабочихъ и назначалъ штрафы по своему усмотрѣнію. Тѣмъ не менѣе дѣла завода приходили въ упадокъ, и въ 1870-мъ году заводъ проданъ Русскому Обществу, дѣятельность котораго выразилась на первыхъ же порахъ убыткомъ въ 4 милліона рублей. О хищеніяхъ тогдашней администраціи завода рассказываютъ баснословныя вещи: крали и деньгами, и цѣлыми транспортами матеріаловъ; служащіе съ 50 р. жалованья прокучивали по 100 рублей въ одинъ вечеръ!... Въ результатѣ оказался многомилліонный долгъ, описи всего имущества и полная перемѣна администраціи. Для приведенія въ порядокъ счетоводства были приглашены съ Тагильскихъ заводовъ спеціалисты по заводской бухгалтеріи, которые нашли въ заводской коптюрѣ вавилонское столпотвореніе и трудились надъ приведеніемъ дѣла въ какой нибудь порядокъ цѣлый годъ. На выручку завода явилась казна съ заказами паровозовъ; во главѣ правленія выросъ изъ земли еврей Гальпертъ, способный забѣгать во все министерскіе закоулки, и дѣла завода пошли въ гору.

Война съ турками и экстренный заказъ казенныхъ паровозовъ подняли дѣла завода до высшей точки (изготовлено 138 паровозовъ, получено 3,712,193 р. 50 коп., прибыль 823,765 р. 41 к.) въ 1878 году. Но съ 1 января 1879 г. заводъ разомъ оказывается въ критическомъ положеніи. О частныхъ заказахъ и удешевленіи продажной цѣны паровозовъ, при легкости обирать казну, г. Гальпертъ не заботился, и вдругъ казнѣ не попадались новые паровозы! Политическій горизонтъ былъ покрытъ тучами революціонныхъ проявленій, власти потеряли головы отъ страха передъ возмущеніемъ рабочихъ, и въ этой то мутной водичкѣ г. Гальпертъ съ удобствами приспособился удить рыбу. Ссылаясь на невозможность распустить рабочихъ въ виду опасности для государства такого факта, онъ выпросилъ двухмилліонную субсидію, позволеніе закладывать новые паровозы государственному банку и разрѣшеніе сбавить рабочую плату на 10 %. Число рабочихъ съ 3,000 убавлено до 2,000 и заводъ работаетъ цѣлый годъ безъ заказовъ. Въ теченіи 1879 года сдѣлано 123 паровоза, изъ нихъ 44 паровоза по прежнимъ заказамъ, остальные 79 безъ назначенія. Эти паровозы обошлись въ 2,221,874 руб. 33 коп., а оцѣнены по отчету въ 3,143,470 р. 50 к. Изъ выведенной такимъ образомъ прибыли въ 921,596 р. 17 к. выдано въ дивидендъ акціонерамъ по 6 руб. за акціи 2-го выпуска и по 4 р. за первый выпускъ, отчислено въ проценты вознагражденіе Гальперту 22,000 и Ясюковичу 9,000. Для продолженія же работъ въ 1880 году потребовалась новая субсидія правительства, которая и дана въ размѣрѣ 1,500,000 рублей. Въ 1880 году сдѣлано 120 паровозовъ, которые остались все на заводѣ; при средней стоимости 23,000 за паровозъ, они оцѣнены по 34,800 р.; изъ выведенной прибыли выданъ дивидендъ по 6 руб. на акціи 2-го выпуска, Гальперту 18,000, Ясюковичу 7,000. Для производства работъ въ 1881 получена субсидія въ 1,000,000 руб. Сдѣлано 120 паровозовъ. Изъ запасныхъ паровозовъ навязаны министерству финансовъ 100 паровозовъ, новыхъ не продано. Дивидендъ по 6 р. на акцію, Гальперту 22,000, Ясюковичу 9,000.

1882 годъ оказался неудачнымъ. По неизвѣстнымъ для Гальперта причинамъ, не смотря на полное сочувствіе министерства путей сообщенія, въ субсидіи отказали, правительственный же заказъ паровозовъ для Ивангородъ-Домбровской дороги взялъ Мальцевъ, заявившій цѣну 24,000 вмѣсто 34,800, требуемыхъ Невскимъ заводомъ. Результатомъ было пониженіе рабочей платы еще на 10% и угроза закрыть заводъ. Но, когда оберъ-полицейскій Козловъ любезно предложилъ содѣйствовать послѣднему обстоятельству и уладить положеніе рабочихъ, — то получилъ отвѣтъ Гальперта:

«Зачѣмъ такая жестокая мѣра въ отношеніи рабочихъ! Лучше я буду работать, насколько средствъ моихъ хватитъ». Но не судьба рабочихъ и не готовность поступиться своими средствами были причиною такого благодушія, а не прекращенный

кредитъ государственнаго банка подъ залогъ паровозовъ.

Изложенныя обстоятельства ясно показываютъ, на сколько виновата забота о рабочихъ въ милліонныхъ затратахъ правительства на Невскій заводъ. Спрашивается, какимъ образомъ правительство не замѣчало аферистической дѣятельности Гальперта, когда отчеты съ дивидендами и процентными отчислениями печатались ежегодно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», когда каждый соседній съ заводомъ мальчишка зналъ, что паровозы не проданы, и когда всякому школьнику извѣстно, что прибыль получается только послѣ продажи и что до этого факта она не существуетъ и не можетъ подлежать раздѣлу? Оказывается, что, благодаря заботамъ правительства рабочіе получили въ 1879, 1880 и 1881 годахъ среднимъ числомъ по 800,000 р. въ годъ, производство стоило около 3-хъ милліоновъ, остальные 3 милліона разложили по карманамъ антрепренеровъ и чиновниковъ-казнокрадовъ! И это называется развитіемъ русской промышленности!

Дѣлами Русскаго Общества Механическихъ и Горныхъ заводовъ, какъ мы видѣли, заведуетъ и фактически безконтрольно распоряжается директоръ и предсѣдатель Совѣта — Генрихъ Львовичъ Гальпертъ.

Директорами-ширмами состоятъ: членъ государственнаго совѣта д. т. совѣтникъ и каррикатурно извѣстный драматургъ И. А. Мининъ и артиллерійскій генералъ-майоръ Т. С. Стомма. Члены совѣта: банкиры Лисскій, Мейеръ, извѣстный пройдоха Сущицкій, Поляковъ, Гипсбургъ и tutti quanti.

Служба генераловъ ограничивается полученіемъ жалованья (по 3,000 р. въ годъ) и подписаніемъ отчетовъ, остальное бремя правленія безропотно несетъ г. Гальпертъ. Что бремя это не особенно его тяготитъ, можно судить по семилѣтнему его управленію дѣлами общества и почтенному капиталу, накопленному въ его карманахъ. Въ 70-хъ годахъ онъ поступилъ переводчикомъ въ правленіе Русскаго Общества, не разумѣвшее по русски, на 40 рублей жалованья въ мѣсяцъ. Теперь имѣетъ около Варшавы имѣніе въ 700 тысячъ, тысячъ до 500 въ различныхъ цѣпностяхъ и ежегодное вознагражденіе до 25 тысячъ, кромѣ полнаго содержанія и непредвидѣнныхъ расходовъ.

Невскій заводъ расположенъ въ мѣстности за Невскою заставой, по Шлессенбургскому тракту. На немъ работаетъ болѣе 2,000 рабочихъ, распределенныхъ въ двѣнадцать различныхъ мастерскихъ. Управляется онъ инженеръ-технологомъ И. И. Ясюковичемъ съ помощію его одноклассника Н. И. Данилевскаго; оба они вышли изъ С. П. Б.-го технологическаго института. Это на ви́днѣйшій видъ очень либеральные люди и, не смотря на польское происхожденіе, ругаются съ рабочими на чистѣйшемъ русскомъ жаргонѣ. Подобно многимъ другимъ передовымъ русскимъ либераламъ, правовыя понятія ихъ не возбраняютъ имъ получать за свой «трудъ» одному до 20 тысячъ въ годъ, другому до 6,000. Рабочихъ, какъ людей мало развитыхъ, они не считаютъ компетентными въ оцѣнкѣ своего

труда и рекомендуютъ имъ вполнѣ полагаться на директорскую административную справедливость въ этомъ дѣлѣ. Мастерскими управляютъ мастера, частью русскіе, но болѣе англичане, пѣмцы и чухонцы.

Всѣ рабочіе (правило общее для столичныхъ заводовъ) подчинены тройкого рода властямъ: 1) Внутренній, въ предѣлахъ мастерской: мастеръ, подмастера и старшіе; 2) Заводско-полицейскія или проходная контора и 3) центральныя или главный контора.

Мастеръ есть непосредственный и вполнѣ самостоятельный начальникъ всѣхъ рабочихъ въ его мастерской. Только отъ него зависитъ принять на работу и назначить любую плату въ предѣлахъ объявленнаго конторою штата рабочихъ. Мастеръ по своему усмотрѣнію назначаетъ рабочему дѣло, оцѣниваетъ его трудъ, штрафуетъ или прогоняетъ съ работы. Но, принявши рабочаго, онъ обязанъ сдѣлать формальное представленіе о приѣмѣ его и назначеніи платы на утвержденіе управляющаго заводомъ. По утвержденіи представленія, рабочій записывается въ «матрикульную книгу, получаетъ особый № и расчетную книжку, замѣняющую контрактъ съ заводомъ. Этотъ контрактъ, разъ сочиненный и отпечатанный въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, обязателенъ во всѣхъ своихъ пунктахъ для всѣхъ рабочихъ, со стороны которыхъ согласіемъ на принятіе этихъ условій считается фактъ поступленія на работу, хотя рабочій и не знаетъ о существованіи правилъ до выдачи ему расчетной книжки, что бываетъ только черезъ мѣсяцъ по поступленіи на работу.

Расчетная книжка заключаетъ въ себѣ названіе мастерской, № рабочаго, имя и фамилію, время поступленія на работу, срокъ паспорта, назначенную поденную плату, подпись управляющаго заводомъ, №, подъ которымъ рабочій записанъ въ матрикульную книгу; за тѣмъ правила и ссылки на параграфы закона о наймѣ рабочихъ и мѣсто для вписыванія ежемѣсячныхъ заработковъ и получаемыхъ на руки суммъ. Книжки выдаются за нѣсколько часовъ до выдачи жалованья, снова отбираются при выдачѣ денегъ и все остальное время хранятся у конторщика, заведующаго расчетомъ рабочихъ. За каждую книжку съ рабочаго вычитается 7 копѣекъ.

Вотъ точная копія правилъ расчетной книжки:

«Правила, на основаніи которыхъ приняты означенныя въ сей книжкѣ рабочіе на Невскій заводъ Русскаго Общества.

«1) Настоящія правила прилагаются къ расчетнымъ книжкамъ рабочихъ и замѣняютъ договоръ конторы съ рабочими, а потому вполнѣ обязательны для обѣихъ сторонъ и признаются конторою и рабочими за основаніе при разбирательствѣ жалобъ рабочихъ.

«2) Расчетныя книжки рабочихъ, во все время нахождения ихъ на заводѣ, находятся у конторщика цеха, выдаются рабочимъ въ день полученія ими заработной платы, или окончательнаго расчета, а при производствѣ имъ выданы отбираются въ первомъ случаѣ конторою, во второмъ конторщикомъ цеха.

«3) Безъ расчетной книжки никто не можетъ получить расчета.

«4) Рабочій, потерявшій расчетную книжку, получаетъ подлежащую къ выдачѣ заработную плату только при выдачѣ жалованья рабочимъ за слѣдую-

щій за тѣмъ мѣсяцъ, на основаніи документовъ конторы.

«5) Рабочій, желающій получить окончательный расчетъ и уйти изъ завода, можетъ заявлять о томъ конторѣ одинъ разъ въ недѣлю, именно въ понедѣльникъ до 4 часовъ по полудни, и получить расчетъ тоже разъ въ недѣлю, именно въ слѣдующій понедѣльникъ въ 7 часовъ вечера.

«6) Равнымъ образомъ контора можетъ уволить рабочаго за ненадобностію не иначе, какъ объявивъ ему о томъ черезъ цеховую контору за двѣ недѣли.

«7) Раздача заработной платы производится за истекшій мѣсяцъ въ первую субботу, послѣ 15 числа слѣдующаго мѣсяца.

«8) Каждый рабочій имѣетъ право заявить конторѣ свое неудовольствіе на неправильность вывода ему заработной платы. Не сдѣлавшій заявленія въ теченіи 24 часовъ послѣ выдачи, теряетъ на это право.

«9) Во время работы, рабочіе обязаны имѣть полное подчиненіе всѣмъ распоряжающимся ихъ работами лицамъ и исполнять въ точности ихъ приказанія. Сверхъ исполненія условленныхъ работъ, всѣ рабочіе по первому требованію должны явиться безплатно для подаанія помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ, наримѣръ во время пожара. Рабочіе наблюдаютъ сами за цѣлостію отпускаемыхъ имъ для работъ матеріаловъ и заводскаго имущества, а равно отвѣтствуютъ за небрежное обращеніе съ имуществомъ, въ особенности съ машинами и инструментами.

«10) Въ будни работа производится днемъ съ 7-ми до 12 часовъ утра и съ 1½ до 7 часовъ вечера, ночью съ 8½ ч. вечера до 4 ч. утра, въ субботу съ 7 до 12 ч. дня и съ 1½ до 5 ч. вечера, въ праздники безъ обѣда (на проходъ) съ 8 до 2½ ч. дня, съ обѣдомъ съ 8 до 4 ч. дня, при чемъ на обѣдъ дается 1½ часа. Въ праздники работаютъ только желающіе.

«11) Съ каждаго рубля получаемой рабочими платы, вычитывается по 1 копѣлкѣ на содержаніе заводской больницы, въ которой оказывается рабочему медицинское пособіе до выздоровленія.

«12) Рабочіе, получившіе на работѣ и въ трезвомъ видѣ тяжелыя ушибы, обжоги и т. п. поврежденія, сверхъ безплатнаго леченія въ заводской больницѣ, во все время болѣзни получаютъ положенное цеховое жалованье отъ Общества; лишившіеся же члена или получившіе тяжелое увѣче — полное цеховое жалованье. Рабочій же, лишившійся на работѣ или на пожарѣ, въ трезвомъ видѣ, руки или ноги, или получившій такое тяжелое увѣче, которое лишаетъ его возможности заработка и будетъ удостовѣрено докторскимъ свидѣтельствомъ, получаетъ 200 р. с. Въ случаѣ смерти рабочаго пособіе это получаетъ его семейство. Если умершій рабочій не имѣлъ семейства, то родители или ближайшіе родные получаютъ эти 200 р. только въ томъ случаѣ, если они пропитывались трудомъ умершаго рабочаго и представляютъ канторѣ на то надлежащее свидѣтельство.

«13) Рабочій, прослужившій на заводѣ пять лѣтъ безотходно, при чемъ дозволеніе конторою отпущенъ въ деревню въ вознагражденіе не принимаются, получаютъ единовременную денежную награду. На эту награду имѣютъ право только тѣ рабочіе, которые поступили на заводъ не ранѣе 1 января 1876 г.*)

«14) Правленіе Общества ходатайствуетъ сверхъ того о выдачѣ наградъ правительственныхъ рабочимъ, прослужившимъ на заводѣ не менѣе 10 лѣтъ безотлучно, при хорошемъ за все время поведеніи.

«15) «Контора завода имѣетъ право штрафовать рабочихъ вычетомъ изъ причитающагося имъ заработка въ слѣдующихъ случаяхъ и въ указанныхъ ниже размѣрахъ:

«а) Найденный спящимъ на работѣ лишается платы за весь тотъ день или всю ночь.

«б) Явившійся на работу въ нетрезвомъ видѣ во весь тотъ день или во всю ту ночь къ работѣ не допускается и, кромѣ того, подвергается вычету однодневной платы.

«с) Тройному противъ означеннаго въ предъи-

*) Въ 1875 г. за невыдачу жалованья рабочимъ передъ насхою, рабочіе выбили стекла въ конторѣ и произвели погромъ. Хотя на судѣ и выяснились причины, тѣмъ не менѣе нѣсколько человекъ платились ссылаемо.

дущемъ пунктѣ штрафу подвергается приносящій на работы хмѣльные напитки.

«д) По усмотрѣнію конторы, за умышленную порчу станковъ и инструментовъ.

«е) Опоздавшій явиться на работу отъ ¼ до часа послѣ втораго свистка (безъ 10 минутъ 7 часовъ утра), лишается полудневной платы, опоздавшій болѣе часа вовсе не допускается на работу и штрафуетъ какъ за прогулъ. За каждый прогульный день, безъ уважительной къ тому причины, заблаговременно заявленной мастеру цеха, виноватыя подвергаются вычету однодневной платы. Не явившійся на работу, по болѣзни или по другой уважительной причинѣ, чему должны быть представлены доказательства, лишается за тѣ дни условной платы.

«ф) Кто самовольно оставитъ работу ранѣе 7 дней, назначенныхъ въ параграфѣ 5-мъ настоящихъ правилъ, безъ предварительнаго заявленія конторѣ о желаніи оставить работу, тотъ увольняется конторою, при чемъ удерживается причитающаяся ушедшему самовольно плата, не болѣе какъ за 7 дней.

«г) За непослушаніе и грубости мастеру и всѣмъ другимъ лицамъ заводской администраціи, виновные подвергаются штрафу отъ 1 рубля до размѣра двухъ-дневнаго заработка, по усмотрѣнію конторы, въ томъ случаѣ, если не будутъ подлежать вовсе удаленію изъ завода. Всѣ штрафныя деньги отдаются конторою въ пользу больницы кассы сполна.*).

«16) Праздничные дни, въ которые заводъ не работаетъ, обозначены въ особыхъ росписяхъ, вывѣшенныхъ въ каждомъ цеху».

Заработокъ выводится на руки цѣлыми рублями, копѣйки переводятся остаткомъ на слѣдующій мѣсяцъ и присоединяются къ новому заработку, влѣдствіе чего болѣе чѣмъ процентъ удерживается съ нихъ два раза. «Курочка по зернушку клюетъ и съ-та бываетъ».

Вотъ и весь контрактъ, долженствующій гарантировать рабочихъ отъ чего-то. Какъ вамъ правится вознагражденіе семьи за потерю работника двумястами рублемъ, затѣливое леченіе работника недистиллированной водою за его-же дашиги, общіе журавля въ небѣ въ видѣ правительственной награды, безапелляціонная власть всякой административной куклы штрафовать и изгонять за всякое не по праву сказанное слово! Каково право заявить неудовольствіе на неправильный выводъ заработка не позже 24 часовъ, когда жалованье выдается въ субботу вечеромъ, а воскресенье день неспиреуветвенный!! И вѣдь это не какое нибудь кулацкое условіе, писанное продажнымъ волостнымъ писаремъ, а «печатанное съ утвержденія Исправника С. Петебургской Уѣздной и Начальника Пригородной Полиціи». Слыхали-ли вы про какой нибудь договоръ, существующій въ одномъ экземплярѣ и хранищійся у одной изъ заинтересованныхъ сторонъ? Конторщикъ вписываетъ заработокъ, конторщикъ же ставитъ клеймо «выдано» и тотъ же конторщикъ хранитъ у себя расчетную книжку, рабочій же, получивъ ее изъ рукъ мастера передъ раздачей денегъ и не имѣя времени провѣрить выведенныя суммы, долженъ нести ее къ кассиру и тамъ оставить до слѣдующаго жалованья.

Рабочій, желающій поступить на работу въ заводъ, долженъ съ паспортомъ обратиться къ мастеру, заведующему мастерскою. Мастеръ испытываетъ его работу,

*) Сирѣчь изъ праваго кармана хозяина перекладываются въ лѣвый его-же.

назначает плату и отсылает паспортъ въ проходную контору, которая выдаетъ рабочему металлическій №, подъ коимъ вносятся его въ платежный списокъ и въ книгу для отмѣтки рабочихъ дней. Этотъ № рабочий обязанъ всякій разъ утромъ и послѣ обѣда, проходя на работу, оставлять въ проходной конторѣ. №№ отмѣчаются въ особыхъ по каждой мастерской отмѣткахъ рабочихъ дней, и рабочий, не оставившій въ проходной конторѣ своего №, считается не работавшимъ и платитъ штрафъ за прогулъ.

Почти всѣ работы производятся съ платою или съ пуда, въ одиночку или партіями отъ 2 до 60 человекъ, въ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ партіи, по назначенію мастера, считается за старшего. Расчетъ партіи производится въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропорціонально числу рабочихъ дней и получаемой подневной платѣ каждаго рабочего, въ другихъ же случаяхъ по назначенію старшого; въ послѣднемъ случаѣ всего чаще господствуетъ самый возмутительный произволъ: автору слишкомъ много разъ приходилось, скрѣпя сердце, рассчитывать за одну и ту же работу, при одинаковыхъ платахъ, одного рабочего по 1 р. 30 к., другого по 2 р. 50 к. и третьяго по 70 коп. въ день!

На каждую работу, произведенную рабочимъ или партіею поштучно, мастеръ выдаетъ квитанцію, которая поступаетъ въ главную контору къ конторщику цеха, записывается послѣднимъ въ штучную книгу и служитъ основаніемъ къ выводу за работка.

Въ случаѣ болѣзни или пужды отлучиться съ работы, рабочий обязанъ взять отъ мастера болничную или увольнительную записку и предъявить ее въ проходной конторѣ, иначе, кромѣ потери рабочего времени и заработка, онъ подвергается вычету дневной платы изъ ранѣ заработанной суммы. Въ безапелляціонномъ правѣ мастера дать или не дать рабочему освобождающую отъ штрафа записку заключается ужасная по нравственнымъ послѣдствіямъ сила. Эта сила въ рукахъ самодура или мерзавца приводитъ къ униженію, подкупу, къ нарушенію всѣхъ правъ и некалѣченію нравственныхъ понятій рабочего человека.

Автору въ теченіе пяти лѣтъ пришлось видѣть много примѣровъ, когда завязые пьяницы не подвергались изысканію, а люди, принужденные необходимостью остаться дома, со слезами и проклятіями оставляли свою трудовую книжку въ бездонной «болничной кассѣ». Главная контора, въ лицѣ управляющаго и конторщиковъ, какъ не имѣющая непосредственнаго соприкосновенія съ рабочими, не входитъ въ разборъ недоразумѣній между ними и мастерами, ссылаясь на мудрое житейское правило «рабочій, живи въ ладу съ мастеромъ».

Такова внѣшняя обстановка рабочихъ; въ слѣдующемъ письмѣ мы перейдемъ къ цифровымъ даннымъ, выражающимъ экономическія условія жизни рабочихъ.

Григорьевъ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ „НАДЗОРЪ“.

12 Марта утверждено положеніе о полицейскомъ надзорѣ. Этотъ законодательный

документъ имѣетъ такую важность, что не лишнее остановиться на немъ. Это основной государственный законъ Россійской имперіи, потому что онъ открыто и ясно объявляетъ, что русскій обыватель есть не гражданинъ, не человекъ, даже не животное, имѣющее право передвигаться съ мѣста на мѣсто и отыскивать средства къ существованію, — онъ есть вещь, съ которой можно продѣлывать все, что вздумается, и эта вещь имѣетъ своимъ хозяиномъ невѣжественную личность — русскую полицію.

Всякій русскій обыватель можетъ безъ повода съ его стороны очутиться подъ «надзоромъ» и, слѣдовательно, положеніе о «поднадзорныхъ» есть положеніе о русскихъ обывателяхъ. Вся Россійская имперія состоитъ изъ «поднадзорныхъ» или изъ кандидатовъ въ «поднадзорные». И переходъ отъ кандидата въ настояще «поднадзорные» очень простъ.

У читателя, не близко знакомаго съ фактическимъ положеніемъ «поднадзорныхъ», возникаетъ вопросъ: новый законъ улучшаетъ или ухудшаетъ существующее положеніе вещей? Нужно ли его разсматривать, какъ прогрессъ или какъ регрессъ въ дѣятельности правительства?

Для нагляднаго выясненія этихъ вопросовъ я приведу рядъ выдержекъ изъ писемъ разныхъ лицъ, имѣвшихъ несчастье на практикѣ узнать, что такое «надзоръ». Письма эти прошли черезъ цензуру исправниковъ. Каждое изъ нихъ носитъ надписи: читаль исправникъ такой-то. А это служитъ ручательствомъ, что факты, заключающіеся въ нихъ, не утрированы въ сторону неблагоприятную для правительства. Вотъ эти выдержки.

«.... давать обѣщаніе, что никогда не буду понадаться, я не могу, ибо не могу опредѣлить что дозволено, что запрещено. Еслибъ обѣщаніе требовалось такого сорта, что я буду соблюдать законы, то я не откажусь отъ такого обѣщанія. Каяться въ своихъ заблужденіяхъ — это въ моемъ характерѣ, и я всегда открыто признаю свои ошибки, но въ данномъ случаѣ мнѣ нужно знать, въ чемъ каяться, я долженъ знать, въ чемъ я оказался виновенъ до того, что меня лишили всѣхъ правъ человека. Я обратился къ господину исправнику съ просьбой объяснить мнѣ, за что я сосланъ. Онъ отвѣтилъ, что онъ самъ ничего не знаетъ и ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я подалъ прошеніе о разъясненіи мнѣ моей вины. Единственное снисхожденіе, которое г. исправникъ согласился мнѣ сдѣлать, это принять мою просьбу безъ гербовыхъ марокъ...» (писано въ 1881 г.)

«.... Около года тому назадъ мнѣ жандармскій офицеръ говорилъ, что меня скоро освободятъ. Въ то же время до меня дошло извѣстіе, что мѣсяца четыре тому назадъ губернаторъ подалъ представленіе о моемъ освобожденіи, но я вполнѣ увѣренъ, что все это останется безъ послѣдствій...» (1881 г.)

«.... мнѣ выданъ документъ такого рода: «свидѣтельство дано сіе состоящей подъ гласнымъ надзоромъ полиціи и т. д.»... по этому моему красному паспорту меня могутъ заподоз-

рить въ всевозможныхъ преступленіяхъ — въѣдъ такіе документы могутъ быть выданы и лицамъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи по какимъ либо уголовнымъ дѣламъ, воровству, грабежу, т. е. по подозрѣнію въ нихъ. пожалуй, по подозрѣнію и еще въ другихъ какихъ либо преступленіяхъ. Каждый дворникъ, каждый домохозяинъ, кулакъ можетъ нахальничать надо мною, бросать мнѣ въ лицо этимъ надзоромъ. Вся семья черезъ это должна терпѣть грубости и неудобства...» (1881 г.)

«.... окологородный на-дѣльщикъ дворянина, зачѣмъ меня держалъ въ домѣ. Какъ это тебѣ покажется? Значитъ, и мать не должна имѣть квартиры!...» (1881 г.)

«.... одинъ чиновникъ нанмавшій комнату рядомъ съ моею, нѣкто... приходилъ въ великое отчаяніе, чѣмъ онъ докажетъ, что не знакомъ со мной?! «Кто можетъ повѣрить», сокрушался онъ, «что я не знаю, когда мы живемъ рядомъ, стѣна о стѣну? Значитъ, я погибъ!» Онъ все горевалъ, что его со службы прогонять...» (1881 г.)

«.... полицейскіе очень усердны въ дѣлѣ провѣрки насъ и до того надѣли нашей хозяйки, что она отказала намъ, и мы наняли другую квартиру...» (1878 г.)

«.... недавно у меня опять былъ обыскъ. Что значатъ эти частые обыски — я понять не могу и не знаю, каждый ли поднадзорный подвергается имъ такъ часто, какъ я...» (1880 г.)

«... прошлаго года охотился, но не долго, такъ какъ у меня ружье отобрали...» (1879 г.)

«.... открылось мѣсто акушерки въ я пошла къ *** и услышала такое разсужденіе: «я знаю васъ съ хорошей стороны, знаю ваше отношеніе къ дѣлу и съ удовольствіемъ бы взяла, но въ силу независящихъ обстоятельствъ, къ сожалѣнію, не могу». Значитъ, не только земскаго мѣста и получить не вираишь, но оказывается и въ другихъ мѣстахъ заработокъ для меня закрытъ...» (1881 г.)

«.... открывались мѣста фельдшерскія въ больницѣ, гдѣ я только что кончила; я пошла къ старшему врачу просить мѣста и должна признаться, что здѣсь то я рассчитывала на удачу, такъ какъ изъ 75-и я окончила какъ лучшая ученица, инспекторъ надъ — кими больницами *** публично выдѣлялъ менѣ исторію болѣзней и хвалилъ ихъ особенно, старшій врачъ зналъ, что я вела для всего курса записки по всѣмъ предметамъ, вообще были всѣ данныя для надежды на благопріятный исходъ моей попытки получить мѣсто, — и что же? Оказалось нельзя меня взять въ дѣлство моего поднадзорства. Я выразила сожалѣніе, что, если не могутъ меня своею властью принять на службу, то пусть они сдѣлаютъ запросъ въ министерствѣ внутренняго дѣла обо мнѣ по этому поводу, и я не думаю, чтобы мнѣ было не дозволено служить тамъ, гдѣ было же дозволено учиться и гдѣ я по самому положенію своему обетавадена самымъ бдительнымъ надзоромъ начальства. Нѣтъ, не сообразила я одного при этомъ, что гг. *** и ** запросъ обо мнѣ считаютъ компрометирующимъ ихъ

поступкомъ. Тутъ я замѣтила, что я сама въ такомъ случаѣ пойду просить разрѣшенія, но это еще болѣе испугало **, ибо дѣло будетъ имѣть такой видъ, будто онъ послалъ меня, т. е. далъ мнѣ самъ мысль идти просить разрѣшенія, а самъ онъ какъ будто, выходятъ, не прочь взять къ себѣ на службу поднадзорную. Господи, когда эта недостойная правственна порядочнаго человѣка, какимъ мнѣ представлялся *** во время курсовъ, панника, доходившая до такихъ предѣловъ, что человѣкъ теряетъ свой человѣческій образъ, разоблачилась предо мною, то мнѣ до того почувствовалось обиднымъ мое положеніе, что всякій человѣкъ игнорируетъ во мнѣ все, все, кромѣ того, что я поднадзорная, и бѣжитъ отъ меня, какъ отъ зачумленной, что я не могла овладѣть собой и разревѣлась. Пока я училась и имѣла дѣло только съ лекторами, книгами и соучениками, чуждавшимися въ моей помощи имъ, я не чувствовала всего страшнаго гнета своего положенія, но когда я очутилась межъ людей, въ ихъ житейской средѣ, то увидѣла, что значить эта среда. Вотъ въ этой страшной, правдиво разложившейся средѣ дѣйствительно можно оттолкнуться отъ людей, перестать уважать ихъ, погрузиться исключительно въ міръ науки, въ міръ идей, въ созерцаніе отвлеченнаго челоѣчества.....» (1881 г.)

«.... На дняхъ мнѣ объявили бумагу отъ жандармскаго полковника, что «разрѣшеніе заниматься въ аптекѣ зависитъ не отъ него, а ходатайствовать же за меня онъ находитъ неудобнымъ». Поэтому поводу я заходила къ здѣшнему жандармскому офицеру и спрашивала, чѣмъ я могу заниматься. Онъ говоритъ, что служить въ аптекѣ, на телеграфной станціи, въ казначействѣ и обучать дѣтей нельзя, но служить въ полиціи можно. Я спросила — «могу ли я заниматься наукой?» отъ отыѣтилъ: «вѣроятно вамъ не разрѣшатъ этого». Тогда я добавила «наукой для себя лично, для самообразованія.» — «Это можно», онъ сказалъ.....» (1879 г.)

«..... отъ нечего дѣлать я сталъ было изучать химию и разныя техническія производства, но не знаю, быть можетъ, и этимъ нельзя заниматься; на всякій случай воздерживаюсь отъ употребленія ядовитыхъ вещей при занятіяхъ химіей и вообще вещей сколько нибудь способныхъ показаться подозрительными. Но и это не помогаетъ: я уже успѣлъ прослыть за челоѣка крайне подозрительнаго, занимающагося переливаніемъ изъ бутылочки въ бутылочку.....» (1879 г.)

«.... Большинство здѣшнихъ ссыльных не знаютъ, за что они сосланы; а то бывають такіе курьезы, что какого нибудь бо родатаго снѣтора приходится утѣшать, чтобъ онъ не плакалъ, и здѣсь моль люди живутъ и т. п.... Администрація очевидно приняла за правило не давать людямъ обжигаться на одномъ мѣстѣ, и вслѣдствіи этого пересыланіе изъ одного города въ другой, сдѣлалось у насъ очень обыденнымъ явленіемъ. Поэтому можешь понять, что я тебѣ не могу сообщить ничего опредѣленнаго о причинѣ моей высылки изъ ***; знаю толь-

ко, что былъ доносъ, въ которомъ говорилось, что въ городѣ начинается чувствоваться «духъ», виновники котораго, конечно, мы, тѣмъ болѣе, что мы, будучи знакомы чуть не съ первѣйшими тамошними аристократами, не только не брезгали, но даже какъ будто предпочитали общество грязныхъ саножниковъ, столаровъ и кузнецовъ, съ которыми были въ большой дружбѣ, такъ какъ одинъ изъ насъ занимался столарничаньемъ, а другой саножничествомъ. И вотъ насъ троихъ разовъ божихъ и разослали по разнымъ городамъ... мы теперь устроили мастерскую, какъ слѣдуетъ быть: работы — куча, такъ что работаемъ не меньше 8 — 10 часовъ въ сутки, чему, кромѣ желанія какой либо дѣятельности, не мало способствуетъ и то, что физическій трудъ является единственнымъ возможнымъ для насъ (давать уроки воспрещено, другой работы нѣтъ) подспорьемъ къ нашимъ финансамъ, не отличающимся здѣсь, какъ и въ большинствѣ городовъ, обитаемыхъ ссыльными, особеннымъ изобиліемъ.....» (1879 г.)

«..... Ты, должно быть, удивишься моимъ частымъ путешествіямъ по ** губерніи, но я тебѣ, кажись, уже объяснялъ, что это у насъ въ модѣ; чтобы она отъ долговременности не обывѣшала, то въ послѣднее время въ ней сдѣланы нѣкоторыя реформы, а именно — мы теперь путешествуемъ уже не на тройкахъ и не съ полицейскими, а на одной и съ солдатами (просто по этапу), благо, это и дешево для казны. Причина высылки изъ * достоверно неизвѣстна.... Безспорно подобныя путешествія, какъ сами по себѣ, такъ и въ этапномъ видѣ, представляютъ много хорошаго, но (увы, и здѣсь есть но!) нельзя не сознаться, что связаны съ нѣкоторыми неудобствами, такъ, на примѣръ, мнѣ приходится опять обзаводиться столарными принадлежностями (уже въ третій разъ) или заняться другимъ ремесломъ. Но что самое худшее для меня, такъ это то, что пришлось разстаться съ невѣстой.....» (1880 г.)

«..... желалъ бы освобожденія своей корреспонденціи отъ цензуры, ибо при цензурѣ я не могу переписываться съ тобой, писать жалобы и прошенія въ правительственныя мѣста, принимать участіе въ литературѣ и наукѣ.....» (1881 г.)

«..... вчера потребовали отъ меня дать подписку о представленіи корреспонденціи моей исправнику; я отказался дать, по думалъ, что изъ этого ничего не выйдетъ.....» (1878 г.)

«..... что то странное дѣлается съ моими письмами къ матери. Она постоянно проситъ написать поподробнѣе о своей жизни, я же лѣнюсь, но все таки три письма мои были такіа, что подробнѣйшимъ образомъ описывали всю обстановку, какъ психическую, такъ и матеріальную, между тѣмъ именно эти три письма и пропали.....» (1881 г.)

«..... писать Вамъ обстоятельно не могу уже потому, что для переписки моей существуютъ такіа рамки, при которыхъ нельзя сказать ничего, о чемъ бы хотѣлось поболтать.....» (1881 г.)

«..... письма мои отправляются иногда

спустя семь, —десять дней по представленіи ихъ исправнику.....» (1879 г.)

«.... намъ до сихъ поръ не выдаютъ пособія, такъ что въ Мезени черкесы сдѣлали такую штуку: они взяли на лугу корову, зарѣзали ее и теперь оправдываются тѣмъ, что «кушать хотимъ».....» (1881 г.)

«.... теперь ко всему этому могу прибавить, что я пустилъ третье прошеніе о пособіи, — что съ настоящаго дня для насъ прекращается всякое общеніе съ міромъ на два мѣсяца, а денегъ на всѣхъ 5 1/2 челоѣкъ 3 рубля.....» (1880 г.)

«.... мнѣ отказалъ губернаторъ въ пособіи на томъ основаніи, что у меня де сѣтъ родные, къ которымъ я могу обратиться, и что съ прїѣздомъ сюда я имѣлъ 50 рублей, а пособие де, если бы оно и было разрѣшено мнѣ, не доходило бы въ годъ до этой цифры. Въ Архангельской губерніи выдача пособія прекращалась только послѣ того, какъ получавшему высылали изъ дому больше 135 рублей.....» (1879 г.)

«.... 1-го Марта, въ 3 часа пополудни, Гуковская возвратилась откуда-то и просила меня не входить въ ея комнату. Тотъ, которымъ она сказала это, не могъ возбудить подозрѣнія. Не болѣе, какъ черезъ минуту я окликнулъ ее — отвѣта не было. Мнѣ почему то это показалось подозрительнымъ (предчувствіе, что ли?), и я побѣжалъ къ рядомъ живущему **, пришедъ съ которымъ обратно, мы уже сняли съ постели бездыханный трупъ молодой дѣвушки. Въ запискѣ, которую она оставила, говорится: «умираю, потому что нѣтъ силъ выносить ссылку». Также найдены слѣдующіе стихи:

Жизнь безобразная,
Пошлая, праздная,
Съ мелкою радостью,
Съ крупнымъ грѣхомъ,
Съ разною гадостью,
Съ лѣнью и зломъ;
Съ мелкими ссорами,
Съ крупной враждой,
Съ долгими сборами
Къ жизни иной!
Жизнь безшабашная,
Съ мукой, тоской!
Драма-ль ты страшная?
Фаресъ ли пустой?

3-го марта Гуковскую анатомировали, а 4-го, какъ самоубійцу, хоронили гражданскими похоропами.....» (1881 г.) *).

Изъ официальнаго разрѣшенія на открытіе фотографіи, разрѣшенія, выданнаго губернаторомъ одному саножнику:

«..... дозволяется открыть фотографическое заведеніе съ тѣмъ..... чтобы лица изъ политическихъ ссыльных ни не сдѣ какимъ предлогомъ къ работамъ въ фотографическомъ заведеніи допускаемы не были. Толбскій Губернаторъ Лысогорскій».

Вотъ вамъ административная ссылка, такъ сказать, въ ся писателяхъ.

*) Хотя Гуковская не административная ссыльная, а ссыльная по суду, но я нашелъ уместнымъ помѣстить этотъ документъ, потому что «права» и «обязанности» ссыльных по суду совершенно тождественны съ «приваия» и «обязанностями» административно-ссыльных. В. С.

Приведенныя цитаты достаточно поясняют, что новый законъ ничего новаго не вводитъ. Опъ только беззастѣнчиво провозглашаетъ существующее положеніе вещей. Все эти правила, пункты и примѣчанія имѣли ходъ и прежде подъ видомъ секретныхъ циркуляровъ, оставаясь неизвѣстными большинству публики. Правительство Александра Вѣстателя тайно ихъ въ секретныхъ бумагахъ, а новое правительство публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе. Прежде притѣсняли и лишали всѣхъ правъ безъ закона, теперь эти насилія будутъ законны. Разсматриваемое «положеніе» вводитъ только ничтожныя измѣненія съ одной стороны къ лучшему, съ другой къ худшему. Изслѣдуемъ, на сколько въ одну сторону и на сколько въ другую.

Статья 3-я ограничиваетъ срокъ надзора пятью годами. Она появляется во второй разъ. Одинъ разъ она была уже объявлена, но, какъ показываетъ практика, она можетъ имѣть исключенія. Одному лицу былъ объявленъ срокъ его надзора и срокъ этотъ кончился, но въ день окончанія срока его схватили и увезли въ болѣе отдаленныя мѣста.

Статьи отъ 8-ой до 16-ой много толкуютъ о дозволеніи ссыльнымъ отлучекъ изъ мѣста жительства, т. е. почти пятая часть положенія занята правилами объ отлучкахъ, столь необходимыхъ для человѣка вообще, а для цивилизованнаго въ особенности. Если-бы на основаніи словъ правительства можно было судить о его дѣйствіяхъ, то слѣдовало бы думать, что въ будущемъ имѣютъ въ виду практиковать дозволеніе отлучекъ. До сихъ поръ отлучка не допускалась даже въ случаѣ предсмертной болѣзни ближайшаго родственника. Воннечка повинность признаетъ льготы для лицъ, имѣющихъ на своемъ попеченіи семью, но поднадзорная повинность никакихъ льготъ не знаетъ.

Статья 27-мая довольно схибно составлена: «Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется поднадзорнымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ». Въ слѣдуетъ дополнить: «но разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ не дастся». Редакторъ положенія почему то стѣсняется открыто написать, что запрещается врачебная дѣятельность, т. е., запрещается приносить пользу народу, осязаемую даже мозгомъ забитаго русскаго мужика. Между тѣмъ на дѣлѣ было то, что полиція воспрещала ссыльнымъ лечить народъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ссыльный былъ единственное лицо, способное подать врачебную помощь. Дѣло иногда доходило до ограбленія лекарей. Напримѣръ, въ 1878 году въ Архангельской губерніи полиція ворвалась въ квартиру медика — ссыльнаго и отняла у него все лекарства. Населеніе города, пасивно смотрящее на всякія насилія, тутъ не выдержало: напались «смѣльчаки», которые подали губернатору заявленіе, что эти лекарства принадлежатъ имъ, а не ссыльному. Тогда губернаторъ уступилъ и возвратилъ лекарства. Въ другомъ мѣстѣ, въ 1881 году, неправникъ всѣмъ своимъ полицейскимъ «гнать въ шею» больныхъ,

ждушихъ медицинской помощи у ссыльнаго, прославившагося на весь уѣздъ своимъ искусствомъ лечить. Въ подобныхъ случаяхъ правительство открыто становится въ положеніе врага народа.

Примѣчаніе къ статьѣ 32-ой общаетъ за самовольную отлучку изъ мѣста ссылки наказаніе по 63-ей ст. уст. о нак. полагаемыхъ мировыми судьями. Это правило дѣйствительно практиковалось до осени 1878 года, но потомъ вышелъ секретный циркуляръ: всѣхъ лицъ, бѣжавшихъ или пытавшихся бѣжать, приказано отправлять въ Якутскую область, въ эту ужасную сибирскую пустыню, совершенно негодную для жизни неоскотиившагося человѣка. Дошло до того, что одинъ ссыльный былъ переименъ изъ Березова въ Якутскую область за то, что разспрашивалъ у мѣстнаго жителя о дорогахъ, выходящихъ изъ его города. Исправникъ донесъ, что ссыльный думаетъ бѣжать.

Результатомъ такого строгаго приложенія циркуляра явилось то, что около сотни политическихъ ссыльныхъ очутилось въ Якутской области. «Положеніе» не упоминаетъ о Якутской области, но значить ли это, что варварскій циркуляръ прекращаетъ свое дѣйствіе?

Обыкновенно, лицъ, пытавшихся уйти изъ ссылки, арестуютъ и держатъ въ тюрьмѣ впредь до отправки въ другое мѣсто ссылки. Такое «впредь» иногда длится до двухъ лѣтъ. Какимъ насиліямъ можетъ подвергаться подобный административно-заключенный рисуютъ слѣдующія выдержки изъ писемъ, прошедшихъ чрезъ цензуру губернатора:

«..... заключеніе у насъ общее, ходимъ все въ грубомъ арестантскомъ платьѣ, по надѣмся, что намъ разрѣшать носить свое, — мы уже подавали прошеніе объ этомъ. Чтеніе книгъ и газетъ пока еще не разрѣшено намъ, — но объ этомъ ходатайствуетъ губернаторъ, и, по всей вѣроятности, на дняхъ получимъ разрѣшеніе. Намъ уже, благодаря ходатайству губернатора, даны нѣкоторыя льготы. — Напримѣръ, позволено курить табакъ, пить чай и расходовать свои деньги на пищу. Казна до сихъ поръ отпускаетъ намъ всего 1½ копѣйки въ день на человѣка не дворянина и по 4½ коп. дворянамъ, кромѣ хлѣба. Если-бы у насъ не было своихъ денегъ (теперь уже у всѣхъ на исходѣ) или если-бы губернаторъ не выхлопоталъ намъ права расходовать свои деньги, — немногіе изъ насъ дожили бы до навигаціи, — между нами есть очень и очень большые. Впрочемъ, насъ уведомили уже, что скоро увеличатъ кормовыя до 12½ коп. на каждого. Кромѣ того, есть надежда, что на содержаніе больныхъ будетъ отпускатся больше и будетъ устроена больница. До сихъ поръ «больницей» называется особнякъ, ни чѣмъ не отличающійся отъ прочихъ, средней величины комната съ надписью: «больница». Лекарства же мы покупаемъ на свои средства. Насъ посѣщаетъ въ случаѣ надобности врачъ, пишетъ рецепты, и мы на свои деньги покупаемъ уже черезъ эконома лекарства изъ аптеки.....» (1879 г. февраль).

«.... меня уведомили сегодня официально, что два письма, присланныя на мое имя не могутъ быть выданы мнѣ, такъ какъ они «составляютъ выдержки изъ текущихъ событій»? Намъ же всякія «новости» и «извѣстія» строго запрещены.....» (1870 г., май).

«.... 9-го числа скончался на моихъ глазахъ товарищъ по заключенію, предназначавшійся къ административной ссылкѣ, Николай Лисинъ. Страшно тяжело присутствовать при подобной смерти, хотя смерти эта ни для кого не была неожиданностью, и мы все уже давно свыклись было съ мыслью, что Лисинъ не долго протянетъ. Тѣмъ не менѣе видъ подобной смерти, этого постепеннаго угасанія въ страшныхъ страданіяхъ человѣка, исполнѣвшаго свое положеніе, сознающаго, что опъ уже не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, что жить ему не годы, не часы даже, а минуты, — неописуемая мука, просто прастепенная пытка! И такъ страстно хотѣлось ему предъ смертью сняго неба, воздуха и яркаго солнца.....» (1879 г., мартъ).

Въ заключеніе перейдемъ къ одному изъ возмутительнѣйшихъ насилій надъ человѣческой мыслью, къ цензурѣ писемъ. Отнынѣ 29-ой статьёю «положенія» узаконяется цензура частныхъ писемъ!

Въ русскихъ газетахъ нѣкогда было извѣстіе, что г-р. Лорисъ-Меликовъ «даровалъ политическимъ административно-ссыльнымъ право жалобы», что отнынѣ почтовые учрежденія будутъ принимать корреспонденцію административно-ссыльныхъ на имя правительственныхъ мѣстъ и лицъ безпрепятственно. Сообщалось, что этимъ распоряженіемъ ссыльные архангельской губерніи немедленно воспользовались, пославъ болѣе 28 жалобъ. На основаніи этого единичнаго факта, касающагося одной губерніи немедленно была провозглашена газетою «Голосъ» всеобщая истина: «наконецъ политическіе ссыльные получили право жалобы». Никто не взялъ на себя труда проверить: единичный фактъ справедливъ ли вообще? Между тѣмъ, это распоряженіе если и имѣло мѣсто, то исключительно для Архангельской губерніи. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ цензура осталась въ полной силѣ. Одинъ административно-ссыльный Сибирякъ обратился къ почтмейстеру съ просьбой отъправить прошеніе на имя сената. Почтмейстеръ отвѣтилъ, что опъ не имѣетъ права принимать корреспонденцію политическихъ ссыльныхъ. На вопросъ «не составляютъ ли исключенія бумаги, адресованныя на имя правительственныхъ лицъ и мѣстъ?» Почтмейстеръ отвѣтилъ: «нѣтъ не составляютъ». Вы обратитесь въ полицейское управленіе а оно намъ передастъ». Такъ и было сдѣлано. Ссыльный отъправился къ исправнику и просилъ его отъправить просьбу въ сенатъ заказнымъ письмомъ, а почтовую квитанцію передать ему. Исправникъ объявилъ: «на основаніи распоряженія губернатора, я не имѣю права отправлять наши прошенія непосредственно, а обязанъ отсылать ихъ губернатору». Ссыльный замѣтилъ: «изъ газетъ мнѣ извѣстно, что министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ отправлять наши жалобы, не только не пред-

ставляя их на просмотр губернатору, но даже и вовсе не представляя въ полицію». «Мнѣ это неизвѣстно и я дѣйствую на основаніи приказанія губернатора», былъ окончательный отвѣтъ исправника.

Надобно знать, что переписку сельныхъ съ родственниками и знакомыми исправникъ отправляетъ собственною властью, не пересылая ее губернатору, а жалоба въ правительственное мѣсто не можетъ пройти безъ предварительнаго просмотра губернаторомъ, и сельный не имѣетъ никакихъ гарантій, что его жалоба или письмо послѣ просмотра отправится по назначенію. Мнѣ извѣстны чрезвычайныя рѣдкіе случаи, чтобы на подобныя жалобы получался какой либо отвѣтъ.

Цензура писемъ доведена до абсурда. Исправникъ можетъ вычеркнуть самыя невинныя фразы, кромѣ того, онъ не считаетъ себя обязаннымъ показать сельному, какое мѣсто вычеркнулъ, и тотъ иногда долгое время ждетъ отвѣта на свой вопросъ, ради котораго и письмомъ писалъ, но отвѣта не получаетъ: вопросъ этотъ вычеркнутъ исправникомъ. Какъ образецъ, до чего доходитъ подобная цензура, я храню три письма. Въ одномъ изъ нихъ исправникъ вычеркнулъ свѣдѣніе, что одна госпожа поступила въ учебное заведеніе. Письмо было отъ жены этого сельнаго, а поступившая въ учебное заведеніе госпожа близкая пріятельница ея. Вы видите, что цензура распространяется не только на письма отъ сельнаго, но и на письма къ сельному. Даже газеты, приходящія на имя сельнаго попадаютъ сначала въ полицію. Другой примѣръ: исправникъ нашелъ невозможнымъ отправить письмо сельнаго потому, что въ этомъ письмѣ была слѣдующая фраза: «извѣстіе иностранныхъ газетъ, что 6,000 чел. политическихъ сельныхъ освобождено, невярно, потому что всѣхъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, менѣе 6,000 ч.» Третій примѣръ. Изъ письма вычеркнута фраза: «Изъ В. освобожденъ Б., студентъ, который будетъ проездомъ въ началѣ марта у насъ». (Въ подлинномъ письмѣ слова В. и Б. были цѣликомъ написаны). Эти три примѣры изъ разныхъ губерній и изъ дѣятельности трехъ разныхъ исправниковъ.

Въ 1878 г. архангельскій губернаторъ Игнатьевъ вовсе воспретилъ политическимъ сельнымъ переписываться какъ между собой, такъ и со всѣми лицами, не состоящими съ ними въ близкомъ родствѣ. Такъ что, когда одинъ политическій сельный хотѣлъ переслать 10 руб. другому сельному, то исправникъ не согласился принять даже пустой конвертъ съ 10 р.

Посылки сельныхъ также обязательно вскрываются. Лица, лишенные всѣхъ правъ состоянія по суду за уголовныя преступленія, имѣютъ право безконтрольной переписки, а человекъ, который ни какими силами не можетъ добиться, чтобы ему объявили, въ чемъ его вина и на сколько времени онъ наказанъ, не имѣетъ права поговорить съ своимъ семействомъ. Можетъ ли цивилизованный человекъ, не стѣсняясь, писать къ своимъ роднымъ,

когда онъ постоянно чувствуетъ, что на каждое его слово, которое выливается у него изъ души, смотритъ зоркое око посторонняго человека, быть можетъ, скалящаго зубы надъ фразами наиболѣе проникнутыми чувствомъ? Нѣтъ, не можетъ! Письмо выходитъ лживое, сухое, раздраженное, человекъ говоритъ не то, что хотѣлъ бы сказать. Не думайте, что онъ скрываетъ свое враждебное отношеніе къ администраціи и въ тоже время свободно высказываетъ родственныя чувства, нѣтъ, онъ, наоборотъ, стѣсняется говорить о личныхъ предметахъ и выставляетъ наружу раздраженіе. Онъ не хочетъ, чтобы надъ письмомъ его снисходительно улыбались или зубоскалили, но онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы письмо его вызвало вражду, вражда его не страшитъ, онъ потерять ничего не можетъ: онъ все потерялъ.

Василій Сидорацій.

ПИСЬМА

О ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНЫХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

II.

РАДИКАЛЫ И ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ.

Замѣнивъ указанное мною въ предыдущемъ письмѣ стремленіе значительной части населенія Франціи къ дѣйствительной свободѣ, т. е. самоуправленію, — тенерешніе французскіе радикалы уже ради одного того, чтобы сохранить за собою политическое значеніе, должны были сдѣлаться органами этого стремленія, — а за тѣмъ и искренно стали убѣждаться, что развитіе мѣстнаго самоуправления одно только можетъ служить гарантіей для дальнѣйшаго развитія политической свободы страны, и направили всѣ свои усилія, чтобы добиться автономіи общинъ (коммунъ).

Радикалы поставили своей задачей не введеніе какихъ нибудь новшествъ, а то, чтобы высвободить изъ подъ опеки центральной власти существующіе уже коммунальные муниципалитеты.

Еще во время президентства Макъ-Магона провинціальныя, захолустныя муниципалитеты начали подымать голову и пользовались каждымъ случаемъ для заливенія своихъ правъ. Министертво внутреннихъ дѣлъ было завалено постановленіями разныхъ муниципалитетовъ, на оборотной сторонѣ которыхъ рисовалось краснорѣчивое министерское «annulé» (отмѣнено).

Раздраженные муниципалитеты, въ укоръ клерикальному правительству, съ особеннымъ рвеніемъ украшали стѣны своихъ коммунальных запрещеніями религіозныхъ процессій въ предѣлахъ коммуны.

Но антиправительственныя выходки захолустныхъ муниципалитетовъ не особенно безпокоили центральную власть. Какъ только какой нибудь изъ нихъ черезъчуръ начиналъ надѣдаться правительству своими домогательствами, «свыше» давалось приказаніе префекту распустить безпокойный муниципальный совѣтъ и произвести новыя выборы, конечно, подъ надлежащимъ давленіемъ.

Съ наденіемъ Макъ-Магона обстоятельства нѣсколько измѣнились.

Республиканцы централисты, ставшіе во

главѣ управленія страны, смотрѣли сквозь пальцы на свободолюбныя выходки захолустныхъ муниципалитетовъ, но зорко слѣдили за муниципалитетами большихъ городовъ. Правительство чуюло, что борьба съ ними придется ему не по плечу. Оно понимало, что прибѣгать въ этой борьбѣ къ радикальной и насильственной мѣрѣ «распустить» ему крайне неудобно, такъ какъ мѣра эта послужитъ для антиправительственной пропаганды въ избирательный періодъ. Приложивъ къ муниципалитетамъ большихъ городовъ всѣ строгости стѣпенныхъ законовъ монархическихъ временъ, тѣмъ не менѣе центральная власть не могла предотвратить неизбежной борьбы.

Радикалы начали эту борьбу въ самомъ Парижѣ. Они обратили вниманіе на полицію, на содержаніе которой парижскій муниципалитетъ выдавалъ правительству ежегодно 15 милліоновъ франковъ, не имѣя контроля за расходованіемъ такой суммы.

Республиканцы централисты, съ Гамбеттой во главѣ, сдѣлавшись хозяевами государственной машины, унаследовали отъ монархіи въ числѣ прочихъ учреждений и знаменитую префектуру парижской полиціи. Испытавъ на самихъ себѣ въ царствованіе Наполеона, чарующее дѣйствіе этой Бастиліи XIX-го вѣка, они не только не ввели преобразованій въ механизмъ, но даже оставили въ цѣлости весь насажденный Наполеономъ III полицейскій персоналъ. Не безызвѣстно, какую роль играла префектура парижской полиціи во времена Наполеона III. Это была обширная лабораторія, въ которой изготовлялись всевозможныя заговоры и «посягательства» на «драгоцѣннѣйшую жизнь монарха». Всѣ эти изготовленія давали возможность Наполеону III время отъ времени производить «благонамѣренную» облаву на «неблагонамѣренныхъ» гражданъ.

Республиканцы якобинцы не могли найти болѣе опытнаго и цѣлесообразнаго персонала, а поэтому на всякій случай они его и придержали.

Радикалы открыли огонь на этотъ уцѣлѣвшій ненавистный уголокъ имперіи. Путемъ прессы, они предали гласности всевозможныя безобразія, плутни и шашни высшихъ полицейскихъ чиновъ.

Муниципальный совѣтъ, затрачивающій ежегодно громадныя суммы съ цѣлью охраненія гражданъ, началъ дѣлать запросы префекту полиціи по поводу разоблаченій прессы. Раздраженное правительство предало журналистовъ суду.

Путемъ свѣдѣтельскихъ показаній на судѣ подтвердились всѣ возведенныя обвиненія на полицейскихъ чиновъ. Тѣмъ не менѣе судъ, дабы не подорвать авторитетъ полиціи, обвинилъ журналистовъ въ клеветѣ.

Радикалы, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, перенесли борьбу въ палату депутатовъ, гдѣ съ трибуны депутатъ Монмарра Клемансо одной рѣчью свалилъ не только полицейскихъ чиновъ, которыхъ накануне бонапартистскіе суды признали оклеветанными, но заставилъ даже подать въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ и префекта полиціи.

Правительство, лишившись лучшихъ бо-

лѣ опытныхъ полицейскихъ чиновъ, нашло нужнымъ поставить во главѣ парижской полиціи челоѣка, вполне соотвѣтствующаго его якобинскимъ взглядамъ и цѣлямъ. Таковъ именно былъ Андріе.

Нельзя было сдѣлать болѣе удачнаго выбора.....

Андріе, въ 1870 году членъ анархическаго кружка, отвергавшаго даже организацию общественныхъ службъ, въ 1880 г. превращается въ заправскаго якобинца, готоваго регламентировать во имя государственной фикціи, чуть ли даже не семейныя отношенія гражданъ.

Андріе, властолюбецъ, доходившій до самодурства, чуть ли не говорившій: «Paris c'est moi», отбросилъ въ сторону условія и требованія современной жизни и выступилъ безъ «страха и сомнѣнія» въ борьбу съ муниципалитетомъ.

При немъ завязалась открытая и упорная борьба парижскаго муниципалитета съ центральной властью.

Чтобы показать всю основательность требованій парижскаго муниципалитета (которые будутъ изложены ниже), мы напомнимъ читателю то положеніе, въ которомъ очутились французскіе муниципальные совѣты, благодаря цѣлому ряду мѣръ и регламентацій со стороны центральной власти.

Муниципалитетъ представляетъ коллегію гражданъ, избранныхъ путемъ всеобщей подачи голосовъ для заведыванія дѣлами данной мѣстности. Слѣдовательно, на обязанности муниципалитета лежитъ блюсти за общественнымъ порядкомъ, здравіемъ, экономическимъ благосостояніемъ коммуны, за учрежденіями, служащими для удовлетворенія умственныхъ и нравственныхъ потребностей жителей оной, и, наконецъ, за правильными сношеніями съ другими соседними коммунами.

Казалось бы, что избиратели, принимавъ во вниманіе мѣстные условія и потребности, легко могли бы опредѣлить своимъ выборнымъ детали четырехъ выше упомянутыхъ рубрикъ общественного благосостоянія. Но центральная власть, во имя государственной фикціи, взяла подъ свою опеку заведываніе мѣстными интересами. Поэтому всѣ постановленія муниципальных совѣтовъ должны поступать на разсмотрѣніе префекта департамента, который въ однихъ случаяхъ накладываетъ самъ свою санкцію или свое veto, въ другихъ — препровождаетъ эти постановленія на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, муниципальный совѣтъ, держа въ своихъ рукахъ матеріальныя средства для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, очутился связаннымъ по рукамъ и ногамъ центральной властью.

Нужно ли заливать виноградники водой для уничтоженія филлоксеры, муниципалитетъ коммуны долженъ обращаться къ префекту за санкціей для экстраординарнаго налога, необходимаго для проведенія воды.

Желаешь ли коммуна, предварительно сговорившись съ другой, построить мостъ черезъ рѣку, — ждетъ муниципалитетъ годъ, а, можетъ, и того больше министерскаго разрѣшенія.

Вотпроектъ ли муниципалитетъ (г. Ком-

мантера) голодающимъ рабочимъ 25,000 франковъ—является непремѣнное министерское «annulé».

Желаешь ли муниципалитетъ антиклерикальнаго Парижа освободиться отъ платежа 12 милліоновъ франковъ, затрачиваемыхъ на содержаніе парижскаго духовенства, министръ одной рукой пишетъ «annulé», а другой павно тутъ же вручаетъ муниципалитету черезъ своего директора «Assistance publique» докладъ, изъ котораго явствуетъ, что въ Парижѣ находится 355,000 душъ, нуждающихся въ непремѣнномъ денежномъ вспоможеніи, а городскія больницы за неимѣніемъ помѣщеній, ежегодно должны отказывать болѣе 100,000 больнымъ, стучащимся въ ихъ двери.

Марсельскій муниципалитетъ, не желая украшать площади своего города статуей «памятнаго» Тьера, отказалъ на отрѣзъ комитету, на обязанности котораго было возложено сооруженіе оного. Но префектъ, не взирая на этотъ отказъ, даровалъ и мѣсто и возможность для сооруженія памятника невинистому для марсельцевъ Тьеру.

Муниципалитетъ Парижа послѣ вотировки палатой общей амнистіи, зная, что Парижъ наполнится людьми, потерявшими за 10 лѣтъ ссылки и связи и привычку работать по своей специальности, людьми голодными и озлобленными, вотировалъ, въ интересахъ общественнаго спокойствія города, 300,000 франковъ для раздачи амнистированнымъ. Центральная власть усмотрѣла въ этомъ анти-правительственную манифестацию, а поэтому нашла, что сумма эта слишкомъ велика и что полиція и исправительные суды позаботятся гарантировать городу общественную безопасность, а посему: «annulé».

Предотвратило ли правительство своимъ veto политическую манифестацию? Нисколько. Напротивъ, оно этимъ вызвала частную инициативу въ обществѣ, и триумфальные, небывалые въѣзды изгнанниковъ повергали правительство въ грустные, но поучительныя размышленія.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что нѣтъ ни одного вопроса, нѣтъ ни одного дѣла, гдѣ бы муниципалитетъ въ интересахъ своей коммуны могъ бы распорядиться по своему усмотрѣнію. Вездѣ онъ наталкивается на центральную власть, которая во всякомъ коммунальномъ дѣлѣ усмотриваетъ государственные интересы, а, слѣдовательно, все и вся, происходящее въ предѣлахъ государства, отдается подъ надзоръ всевидящаго и вседѣющаго ока центральной власти.

Таково положеніе муниципалитетовъ во Франціи вообще, но въ особенности печально положеніе муниципальных совѣтовъ большихъ городовъ и коммунъ, играющихъ роль центровъ (chef-lieu) кантона (среднее между коммуной и департаментомъ).

Приведеніе въ исполненіе постановленій муниципального совѣта, ошачствленныхъ разрѣшеніемъ префекта, возлагается въ сельскихъ коммунахъ на выборнаго мэра. Въ главныхъ же городахъ департамента, округа и кантона мэры назначаются правительствомъ и стивятся подъ непосредственный надзоръ префекта департамента.

Въ большихъ городахъ, какъ Лионъ, Марсель, Бордо и другія, гдѣ городъ разбитъ на нѣсколько округовъ или мэрій, тамъ исполнителемъ муниципальных постановленій является самъ префектъ, а мэры служатъ ему помощниками.

На обязанности префекта лежитъ открывать и закрывать сессіи муниципального совѣта и присутствовать на его засѣданіяхъ.

Муниципалитетамъ предоставлено право дѣлать префекту запросы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднему не вмѣняется въ обязанность давать непремѣнно отвѣты. Пріятный запросъ — префектъ отвѣчаетъ, непріятный — префектъ можетъ встать и выйти изъ залы засѣданія, оставивъ муниципальный совѣтъ въ пріятномъ размышленіи, что неоднократно и дѣлалъ Андріе въ Парижѣ.

Парижъ, какъ столичный городъ, имѣетъ двухъ администраторовъ: префекта сенскаго департамента и префекта полиціи. Оба эти лица другъ другу неподвѣдомственны, не смотря на тѣсное соприкосновеніе ихъ круга дѣйствій. Каждый изъ нихъ сносится непосредственно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Во всѣхъ коммунахъ, гдѣ постановленія муниципалитетовъ приводятся въ исполненіе чиновниками центральной власти, тамъ ни само общество, ни его избраные не имѣютъ возможности контролировать дѣйствія мѣстной исполнительной власти. Положимъ, законъ дозволяетъ муниципальному совѣту вотировать въ своихъ *ordre du jour* порицанія исполнительной власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ центральная власть оставляетъ за собою право «annuler» это порицаніе.

Андріе, на котораго порицанія парижскаго муниципалитета сыпались, какъ дождь, выходя изъ залы засѣданія муниципального совѣта, отпралялся непосредственно къ министру внутреннихъ дѣлъ, и на другой день въ «Journal Officiel» появлялась министерская замѣтка, гласящая, что порицаніе, высказанное муниципальнымъ совѣтомъ префекту полиціи, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, «считать недействительнымъ».

Нельзя не согласиться съ Гамбеттой, который въ своей рѣчи, произнесенной въ палатѣ депутатовъ по поводу *scrutin de list*, въ порывѣ якобинскаго напоя, воскликнулъ: «La centralisation est l'instrument merveilleux»..... Еще бы не «merveilleux», когда министръ однимъ почеркомъ пера очищаетъ челоѣка отъ порицанія высказаннаго представителями цѣлаго общества....

Правительствующіе поклонники этого «instrument merveilleux» очень хорошо знаютъ, что для того, чтобы заставить гражданъ терпѣть такое занузданное, связанное по рукамъ и ногамъ самоуправленіе, нужно обратить особенное вниманіе на выработку соотвѣтствующихъ оному гражданъ. Поэтому то центральная власть не могла предоставить свободу дѣйствій муниципалитету даже въ дѣлѣ первоначальнаго школьнаго образованія. Она опять таки, въ силу, якобы, государственныхъ интересовъ вѣдѣлась и въ это дѣло. И если мы сравнимъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, касающихся первоначальнаго обученія во Франціи, съ

соответствующими цифрами государства, въ которомъ не функционируетъ «instrument merveilleux», то читатель пойметъ и оценитъ пользу самодержавия центральной власти, хоть бы и республиканской.

Изъ доклада бывшего министра народного просвѣщенія, Поля Вера, явствуетъ, что во Франціи всѣхъ первоначальныхъ школъ считается 71,547, учителей, конгрегационистовъ и свѣтскихъ, — 110,709; дѣтей, достигшихъ возраста, требуемаго для поступленія въ школу, — 4,716,935, изъ коихъ 3,785,000 душъ посѣщаютъ школы, слѣдовательно, 931,935, т. е. почти миллионъ дѣтей, нуждающихся въ первоначальномъ обученіи, предназначенныхъ со времени исполнять гражданскія функціи, не знаютъ, что б — а составляютъ «ба»; еще замѣчательнѣе, что, по послѣднему докладу Жюля Ферри, 20,000 коммуны не имѣютъ школъ.

Въ Сѣверныхъ Американскихъ штатахъ почти на такое число жителей, какъ во Франціи, первоначальныхъ школъ насчитывается 200,000. Всѣ онѣ даровыя; число воспитателей — 350,000 — всѣ свѣтскіе; число дѣтей, посѣщающихъ школы, — 7,000,000 душъ.

Во Франціи блюстителемъ первоначальнаго обученія состоитъ министръ народного просвѣщенія.

Въ Америкѣ блюстителями этого дѣла являются 500,000 гражданъ, составляющихъ мѣстные школьные совѣты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАТЬЯ РУССКАГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ЖУРНАЛѢ.

Въ майской книжкѣ «Fortnightly Review» помѣщена статья кн. П. Крапоткина: «The Russian Revolutionary Party», краткій историческій очеркъ революціоннаго движенія въ Россіи. Авторъ задаетъ цѣлью выяснитъ западной публикѣ истинный характеръ «мифическаго и психологически невозможнаго лица», носящаго въ заграничной прессѣ названіе «инциписта», начинающаго недовольствомъ университетскими правилами и кончающаго изговетвеніемъ бомбъ и убійствомъ царя.

Статья г. Крапоткина интересна прежде всего по своему взгляду на русскій «терроризмъ». Авторъ, самъ принадлежавшій къ русскимъ революціоннымъ кружкамъ и недавно ослабленный на всю Европу, какъ отчаянный террористъ, стоитъ въ этой статьѣ на точкѣ зрѣнія (раздѣляемой очень многими въ настоящее время), которая еще недавно считалась чуть ли не преступленіемъ противъ революціи въ Россіи. Онъ не смотритъ на русскій терроризмъ, какъ на какой то своеобразный видъ революціи, на новый принципъ или систему политической борьбы, а просто какъ на явленіе, возникшее подъ вліяніемъ невозможныхъ условій, созданныхъ въ Россіи самими правительствомъ. Эта мысль проходитъ черезъ весь историческій очеркъ г. Крапоткина.

Во все время царствованія Александра II (исключая первые пять лѣтъ) различныя тайныя общества непрерывно возникали въ Россіи, вслѣдствіи того, что царь, руководимый реакціонной партіей, нейтрализовалъ акты освобожденія крестьянъ, передавши введеніе его въ жизнь въ руки враговъ этой

реформы, и заранѣе обрекъ на бесплодность всѣ другія реформы. Исторія развитія этихъ тайныхъ обществъ носитъ одинъ и тотъ же характеръ. Программы ихъ вначалѣ отличаются теоретическою нипротою и вмѣстѣ съ тѣмъ — умѣренностью практическаго дѣйствія. По мѣрѣ столкновенія съ жизнью, цѣли кружковъ и ихъ программы дѣлаются опредѣленнѣе. Взамѣнъ теоретической пропаганды новыхъ идей путемъ убѣжденія, является сознаніе необходимости бороться съ правительствомъ революціоннымъ путемъ. Съ успѣхомъ преслѣдованій средства для борьбы измѣняются. Такъ, послѣ тайныхъ обществъ 1861—62 года, окончившихся ссылкой въ каторгу Чернышевскаго и Михайлова, немедленно возникаютъ группы Каракозова и Ишуткина, заканчивающія свое существованіе покушеніемъ 1866 г.; за ними слѣдуютъ кружки Нечаева. Вслѣдъ за процессомъ Нечаева (1870), въ періодъ времени отъ 1871—1873, повсюду образуются многочисленные, независимые другъ отъ друга, но связанные взаимнымъ сочувствіемъ кружки. Они представляютъ тотъ общій источникъ, изъ котораго возникли тайныя общества, фигурировавшія во всѣхъ процессахъ, начиная съ процесса Долгушина въ 1873 г. и кончая послѣднимъ процессомъ 21 террориста. Многія лица, судившіяся въ послѣднія пять лѣтъ, были хорошо извѣстны въ революціонныхъ кругахъ уже въ теченіе десяти лѣтъ и многіе были членами «кружковъ» того времени. Поэтому, чтобы имѣть надлежащее понятіе о теперешнемъ движеніи, мы должны вернуться къ кружкамъ 71—73 г. и понять условія ихъ возникновенія и дальнейшаго развитія.

Затѣмъ авторъ описываетъ несчастное положеніе страны. Освобожденіе крестьянъ, при недостаточности надѣловъ и огромныхъ выкупныхъ суммахъ, оставило народъ въ безвыходное положеніе. Земства были превращены въ отдѣленія петербургскихъ канцелярій и лишены всякой возможности сдѣлать чтобы то ни было для благосостоянія провинціи. Народное образованіе, находясь въ рукахъ графа Толстаго, представляло не менѣе печальную картину: всѣ стремленія министерства клонились къ тому, чтобы сдѣлать и низшее, и среднее, и высшее образованіе — недоступнымъ. Судебная реформа, давшая Россіи чуть ли не самое либеральное уголовное судопроизводство въ Европѣ, была на практикѣ изуродована министерскими циркулярами. Административный произволъ все болѣе и болѣе давалъ себя знать. Печать находилась въ жалкомъ положеніи. При жизни Александра II нельзя было ждать никакихъ улучшеній; онъ былъ всецѣло подъ вліяніемъ реакціонной партіи, подъ вѣчнымъ страхомъ революціи и совершенно отказался отъ пути реформъ. Между тѣмъ либеральной партіи въ Россіи не существовало, потому что всякое дѣйствіе сообща разсматривается какъ заговоръ, а русскіе либералы не были прежде да и теперь еще, по мнѣнію автора, достаточно смѣлы, чтобы рисковать чѣмъ бы то ни было. Новое поколѣніе людей, — такъ называемые герои Щедрина, смѣлило искреннихъ либераловъ 1861 года. Что оставалось въ такой атмосферѣ дѣлать людямъ, серьезно желавшимъ быть полезными своей странѣ?

Попытки дѣятельности на легальной почвѣ

были сдѣланы въ періодъ времени отъ 1861—70 г. Многіе изъ тѣхъ самыхъ людей, которые въ послѣднее время сидѣли на скамьяхъ подсудимыхъ въ качествѣ революціонеровъ, служили прежде въ земствѣ, въ полкахъ, были докторами и проч.

Кружки, образовавшіеся въ эту эпоху, отличались сначала большою умѣренностью. Ихъ цѣлью было взаимное образованіе и воспитаніе характера; одновременно съ приобританіемъ научныхъ познаній, люди старались развитъ въ себѣ чувство самопожертвованія, безграничную преданность народному дѣлу и качества, необходимыя для совѣстной дѣятельности. — искренность, безукоризненную нравственность и пр. Практическая цѣль этихъ кружковъ, носившихъ въ Россіи названіе «кружковъ Чайковскаго», заключалась въ распространеніи среди молодежи цензурныхъ сочиненій Флеровскаго, Шеллера, Чернышевскаго, Добролюбова, Лассалля, Маркса. Правительство усмотрѣло преступленіе въ такой дѣятельности; произведены были аресты, распространяемыя книги были запрещены.

Кружки Чернышевскаго, Ишуткина и Нечаева уже понимали, что главнѣйшей цѣлью всякой политической партіи въ Россіи должно быть сближеніе съ народомъ, хотя на практикѣ имъ не удалось примѣнить этихъ воззрѣній. Въновь возникшіе кружки, имѣли чисто социалистическіе идеалы и твердо помнили, что всѣ предыдущія попытки борьбы съ абсолютизмомъ наталкивались на полное равнодушіе массъ, а съ другой стороны, помня и то, что всѣ народныя возстанія терпѣли неудачу по отсутствію въ народѣ организаціи и яснаго политическаго идеала, — сдѣлали своимъ лозунгомъ: «въ народъ!» Авторъ доказываетъ, что цѣлесообразность стремленія «въ народъ», въ смыслѣ жизни въ народѣ, объясняется и той громадной, нигдѣ такъ рѣзко, какъ въ Россіи, не выраженной рознью между высшими и низшими классами общества.

При своемъ возникновеніи, и эти кружки чистыхъ социалистовъ отличались мирнымъ направленіемъ. Большинство признавало необходимость мирной пропаганды социалистическихъ идей въ народѣ, и только позднѣе, когда партія убѣдилась, что правительство не потерпитъ даже такой пропаганды, идея необходимости революціоннаго пути получила болѣе развитіе. Если бы эта партія имѣла возможность съ самаго начала свободно развиваться, она сохранила бы тотъ же мирный характеръ, какъ социалистическая партія въ Западной Европѣ или крестьянская партія въ Норвегіи.

Тѣмъ временемъ реакція росла, приобретала все большее значеніе, а съ ней вмѣстѣ административный произволъ дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ безобразія. Авторъ описываетъ въ короткихъ словахъ, какъ возмутительно дѣлались аресты и обыски, какое ужасное обращеніе практиковалось съ заключенными и какъ все это оставалось не только безнаказаннымъ, но никому неизвѣстнымъ, не обращая на себя даже вниманія общества. Тогда явился первый террористическій актъ, въ видѣ покушенія В. Засуличъ на Третьякова. Засуличъ и на судѣ ясно высказалась, что хотѣла только обратить вниманіе,

сдѣлать извѣстнымъ омерзительное обращеніе съ Боголюбевымъ.

Поступокъ Засулчъ имѣлъ очень рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе движенія. Съ того момента русскіе революціонеры поняли, что они стоятъ виѣ закона, что ихъ некому защищать, и они стали защищаться сами. Лозунгомъ партіи сдѣлалась самозащита: самозащита отъ инпюновъ, которые доносятъ, отъ чиновниковъ, которые вѣшаютъ 19-лѣтнихъ юношей по простому подозрѣнію, отъ генералъ-губернаторовъ, которые звѣрски обращаются съ заключенными, отъ царскихъ совѣтниковъ, которые добиваются удвоенія наказанія, опредѣленнаго судомъ.

Такъ продолжалось до 1879 года. Личность царя оставалась неприкосновенной, и только тогда, когда бѣлый терроръ достигъ своего полнаго развитія, идея борьбы съ абсолютизмомъ путемъ нападенія на личность самого царя сдѣлалась популярной въ средѣ революціонной партіи.

Затѣмъ авторъ коротко излагаетъ сущность стремленій и требованій существующихъ въ Россіи революціонныхъ партій, останавливаясь преимущественно на дѣлахъ партій террористовъ, какъ фракціи наиболѣе дѣятельной и энергичной. Кромѣ партіи «Народной Воли», въ Россіи существуетъ партія «Чернаго Передѣла» или «пародниковъ», которая отличается отъ террористовъ тѣмъ, что придаетъ больше значенія социалистической пропагандѣ въ деревняхъ и экономической борьбѣ, стремясь къ организаціи, на подобіе нландской Land League, прежде чѣмъ вступить въ прямую борьбу съ правительствомъ. Кромѣ того, существуетъ украинская группа и нѣкоторыя другія, которыя стремятся къ освобожденію и федераціи русскихъ и австрійскихъ провинцій, говорящихъ на малорусскомъ языкѣ, и къ независимости всѣхъ главнѣйшихъ этнографическихъ подраздѣленій русской имперіи, представляя собой принципы федеральнаго социализма. До настоящаго времени ихъ успія были незначительны, но въ скоромъ времени, по мнѣнію автора, защищаемый ими принципъ федерализма будетъ имѣть огромное значеніе въ русскомъ и славянскомъ вопросѣ. Рядомъ вынесокъ изъ «Народной Воли» и изъ письма исполнителя комитета, посланнаго Александру III черезъ нѣсколько дней послѣ его вострѣнія на престолѣ, авторъ показываетъ, что главная задача террористовъ сводится къ добычанію политической свободы, долженствующей быть первымъ шагомъ, за которымъ уже имѣютъ послѣдовать экономическія реформы, исходяція изъ свободно избраннаго учредительнаго собранія.

Таковы были требованія партіи «Народной Воли» годъ тому назадъ. Александръ III, вмѣсто того, чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, соответствовавшимъ желаніямъ всѣхъ образованныхъ людей страны, предпочелъ сохраненіе абсолютизма, опираясь на партію, совѣты которой вызвали ожесточенную борьбу, ведущуюся теперь въ Россіи, и приготовили насильственную смерть его отца. Годъ тому назадъ выходъ изъ затрудненія былъ не труденъ; но теперь вопросъ осложняется народными волненіями на югѣ, направленными противъ евреевъ и русской буржуазіи, и аграрнымъ движеніемъ въ центральныя провинціи. До настоящаго вре-

мени революціонеры почти не принимали участія въ этихъ волненіяхъ, но теперь партія «Народной Воли» заявила, что обратится и къ этому средству, если другимъ путемъ нельзя будетъ достигнуть необходимыхъ реформъ.

ХРОНИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.

Государственный социализмъ князя Бисмарка.

Въ началѣ этого года князь Бисмаркъ, отвѣчая на интерпелляцію депутата Гертлинга по поводу социальныхъ реформъ, прозвѣстныхъ правительствомъ, произнесъ въ германскомъ рейхстагѣ длинную рѣчь для выясненія отношенія правительства къ такъ называемому рабочему вопросу. По увѣренію Бисмарка, правительство искренно желаетъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ населенія; оно стремится къ такому порядку вещей, при которомъ ни одинъ гражданинъ не имѣлъ бы права сказать: «я здѣсь только для того, чтобы нести всю тяжесть государственныхъ повинностей, а тамъ наверху обо мнѣ никто не заботится». Такимъ благороднымъ стремленіемъ отличался будто бы всѣ члены династии нынѣ царствующаго императора. Уже Фридрихъ Великій, по мнѣнію шутника канцлера, въ значительной степени осуществилъ это стремленіе тѣмъ, что, сказавъ: *je suis le roi des gueux*, практиковалъ по отношенію къ своимъ подданнымъ... «самую строгую справедливость». Фридрихъ Вильгельмъ III освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а теперешній германскій императоръ горитъ великодушнымъ желаніемъ сдѣлать для городскихъ рабочихъ что нибудь аналогичное тому, что отецъ его сдѣлалъ для крестьянъ. Наговоривъ много фразъ о любви къ ближнему и необходимости «практическаго христіанства», князь Бисмаркъ обратился къ разсмотрѣнію средствъ для улучшенія положенія рабочихъ и прежде всего остановился на прозектѣ ограниченія законодательнымъ путемъ часовъ работы на фабрикахъ и запрещенія работы по воскреснымъ днямъ, съ которымъ въ своихъ петиціяхъ уже давно прістаютъ къ нему нѣмецкіе религіозные социалисты. Тутъ князь Бисмаркъ оказался далеко не тѣмъ желѣзнымъ канцлеромъ, который, въ случаѣ нужды, такъ круто умѣетъ управлять людьми, и проявилъ порядочную долю скептицизма по отношенію къ пользѣ государственнаго вмешательства. Онъ заявилъ, что вопросъ о сокращеніи законодательнымъ порядкомъ числа рабочихъ часовъ и о запрещеніи воскресной работы — вопросъ крайне деликатный, въ которомъ правительство своей регламентаціей можетъ только повредить какъ интересамъ промышленности, такъ и интересамъ самихъ рабочихъ. Это положеніе Бисмаркъ иллюстрировалъ нѣсколькими любопытными примѣрами, дѣйствительно показывающими несостоятельность государственной регламентаціи промышленныхъ отношеній, когда она носитъ націативный характеръ и не опирается на общественную самостоятельность. Посмотримъ, сказалъ онъ, какое измѣненіе въ условіяхъ производства товара, требующаго, напр., 100 часовъ работы, произведетъ уменьшеніе числа часовъ поденной работы, напр., съ 14 до 10. Если заработная плата останется та же и фабрикантъ захочетъ производить въ то же

количество времени прежнее количество товаровъ, то ему придется увеличить число рабочихъ и онъ принужденъ будетъ платить имъ сумму, превышающую прежнее на 40%. Если представить себѣ небольшое промышленное предпріятіе, занимающее 100 человекъ рабочихъ, изъ которыхъ каждый получаетъ въ годъ среднимъ числомъ 750 марокъ, то это составитъ въ годъ 75,000 марокъ, которыя работодателю придется уплатить рабочимъ. Послѣ сокращенія часовъ поденной работы съ 14 на 10, расходъ фабриканта при той же порѣ производствѣ увеличится на 40%, т. е. до 105,000 марокъ. Хорошо, если промышленное предпріятіе сможетъ выдержать такое увеличеніе расходовъ на производство; если же нѣтъ, — оно разорится, а вмѣстѣ съ тѣмъ разорятся и рабочіе, которые имъ живутъ. Что же касается до воскресной работы, то тамъ, гдѣ она до сихъ поръ въ обычаѣ, она представляетъ для рабочаго $\frac{1}{7}$ общей суммы его заработка. Если воскресная работа будетъ запрещена и если рабочій лишится возможности наверстывать потерянную $\frac{1}{7}$ часть заработка усиленнымъ трудомъ въ будничные дни, то изъ своего годового дохода въ 750 марокъ онъ потеряетъ болѣе 100 марокъ, что нанесетъ его бюджету весьма существенный ущербъ. Какимъ способомъ предотвратить уменьшеніе заработной платы на 14% отъ запрещенія воскресной работы и на 40% отъ сокращенія поденной работы?

Заключивъ изъ этихъ примѣровъ о несостоятельности прозекта уменьшенія часовъ работы и запрещенія воскресной работы законодательнымъ путемъ, кн. Бисмаркъ высказалъ мнѣніе, что единственнымъ средствомъ улучшить положеніе рабочихъ можетъ служить организація государствомъ принудительнаго страхованія ихъ на случай болѣзни или увѣчий, получаемыхъ въ нѣкоторыхъ опасныхъ промыслахъ. О томъ, какъ должно быть устроено это страхованіе, кн. Бисмаркъ тогда не сообщилъ ничего, заявивъ, что прозектъ будетъ выработанъ только къ апрѣлю мѣсяцу.

Теперь этотъ прозектъ сдѣлался извѣстнымъ. Въ настоящее время онъ разсматривается въ особой коммисіи рейхстага и на дняхъ будетъ обсуждаться въ общемъ засѣданіи того же рейхстага, въ которомъ онъ, по всей вѣроятности, будетъ принятъ, такъ какъ, насколько до сихъ поръ извѣстно, его одобряетъ большинство депутатовъ. Интересно, что въ выработкѣ его принимали дѣятельное участіе нѣкоторые катедеръ-социалисты, въ томъ числѣ извѣстный Шэфле, съ которымъ кн. Бисмаркъ въ послѣднее время не разъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія. Нѣтъ никакой возможности передать всѣ частности прозекта, состоящаго изъ 123 параграфовъ, такъ что мы ограничимся тѣмъ, что только сообщимъ существенныя его черты.

Въ каждомъ административномъ округѣ рабочіе должны быть группированы по ремесленнымъ специальностямъ въ партіи человекъ минимумъ въ пятьдесятъ и у каждой такой партіи организуется касса для вспоможенія на случай болѣзни. Если въ данной мѣстности не наберется пятидесяти человекъ одного ремесла, то для организаціи кассы могутъ быть соединены въ одну группу и

рабочие разных ремесел. Всякий рабочий, зарабатывающий менее 2000 марок в год, обязан быть членом подобной кассы, в пользу которой у него из заработка вычитают от 1½ до 3%. С своей стороны, и работодатели обязаны вносить в ту же кассу сумму, соответствующую трети общих взносов. В случае болезни члены кассы пользуются даровым лечением и им выдается вспомоществование — 4 марки в день; в случае смерти похороны дѣлаются на счет кассы. Кассой завѣдует распорядительный комитет, состоящий частью из выборных от рабочих, частью из правительственных чиновников.

Кроме этих касс для вспомоществования на случай болезни, должны быть устроены еще другие страховые общества, в которых примут участие одни фабриканты. Общества эти будут также получать субсидию от правительства. Цель их выплачивать пожизненную пенсию рабочим, изувеченным на опасных промыслах, их вдовам и сиротам. Обязательно должен быть застрахован от несчастия всякий чиновник или рабочий, служащий при промышленном предприятии, сопряженном с опасностью для жизни (в рудниках, при эксплуатациях помощи машин, в строительных предприятиях и пр.), если он получает менее 2000 марок в год. Тринадцать первых недель неспособности к работѣ от несчастного случая рассматриваются как простая болезнь, и рабочий в течение этого времени получает вспомоществование не от страхового общества, а из кассы, которой он состоит членом. В случае увечья, дѣлающего рабочего навсегда неспособным к работѣ, он получает пожизненную пенсию, не превышающую ⅔ прежнего его заработка. В случае смерти рабочего, вдова его получает пожизненную пенсию, равняющуюся 20% заработка, а дѣти от 10 до 15% каждый.

Проект страховых организаций был составлен на основании интересных цифр, добытых при помощи статистического исследования, произведенного по предписанию правительства в прошлом году в течение августа, сентября, октября и ноября мѣсяцев (нарочно были выбраны два летних и два зимних мѣсяца). Исследование это показало, что в Германии существует 93554 разного рода промышленных эксплуатаций, занимающих около 1957548 рабочих (1615253 мужчин и 342295 женщин). На это общее число приходится в 4 мѣсяца всего 29584 несчастных случаев, именно: 662 случая смерти, 123 случая увечий, влекущих за собой на всю жизнь абсолютную неспособность к работѣ, 437 случаев не полной неспособности к работѣ и 28352 случая, в которых неспособность к работѣ только кратковременная. Если эти цифры, полученные за четыре мѣсяца, мы увеличим в три раза, то окажется, что на общее число 1957548 рабочих приходится в год около 88722, т. е. 4½%, несчастных случаев, из которых 1986 случаев смерти, 1680 абсолютной и 85056 кратковременной неспособности к работѣ. Цифры эти позволяют сдѣлать одно весьма любопытное заключение: так как, согласно проекту, первые тринадцать недель неспособно-

сти к работѣ от несчастного случая рассматриваются как простая болезнь и находятся на попечении рабочих касс (в которых патроны вносят только одну третью общей суммы взносов) и так как статистика показывает, что число легких повреждений, влекущих за собой лишь кратковременную неспособность к работѣ, относится к числу тяжелых повреждений, как 20: 1, то оказывается, что значительно большая часть вспомоществований пострадавшим от несчастных случаев идет из кармана рабочих, и страховые общества патროнов будут, в сущности, заниматься благотворительностью на чужой счет.

При помощи таких-то касс князь Бисмарк думает улучшить положение рабочих, оградить их от агитации социал-демократов и устроить в государствѣ предохранительные клапаны от революционных взрывов!

Консервативный социализм теперь в модѣ и весьма вѣроятно, что примѣръ Бисмарка найдет себѣ подражателей в других государствах. Поэтому интересно посмотреть, насколько обязательное страхование в духѣ проекта Бисмарка может удовлетворить даже той узкой цели, которую оно преслѣдует, — насколько оно может обезпечить рабочего на случай болезни, увечья и старости.

Обстоятельную критику принудительного страхования рабочих мы находим в брошюрѣ извѣстнаго нѣмецкаго экономиста Brentano: Der Arbeiter-Versicherungszwang. Seine Voraussetzungen und seine Folgen. Автор далеко не революционер и даже враждебно относится к социал-демократам. Одно из его главных достоинств — добросовѣстность и стремление к научной безпристрастности. В своей брошюрѣ он рядом весьма убѣдительныхъ разсуждений и статистическихъ примѣровъ доказывает, что обязательное страхование от болезни и несчастий только тогда может дать сколько нибудь удовлетворительный результат, когда рабочие будут застрахованы от безработицы. Так как кассы вспомоществования состояются из взносов рабочих, то в них, очевидно, не могут участвовать тѣ рабочие, которым не удалось получить работу или которые лишились ея. В некоторыхъ мѣстностях Пруссии была уже испробована система принудительнаго страхования рабочих, и относящаяся сюда статистическія цифры показали Brentano, что в этихъ мѣстностях 37 — 48 — 54 % общего числа рабочих, не имѣли возможности, за отсутствиемъ заработка, принимать участие в кассах для вспомоществования. Из этого вытекает несомнѣнное заключение: принудительное страхование рабочих безъ одновременной гарантіи имъ работы не имѣет смысла.

Какимъ же образомъ государство могло бы гарантировать рабочимъ постоянную работу? Brentano обращается к исторіи и находит в ней три типа такой гарантіи, именно: обращение рабочих в чиновников, находящихся на пожизненной службѣ и на жалованіи у государства; принудительная работа в рабочихъ домахъ, национальных мастерскихъ и проч. — и среднѣековое цѣховое устройство, дѣлавшее работника привилеги-

рованнымъ ремесленникомъ. Отказываясь от первыхъ двухъ типовъ, авторъ склоняется к третьему и предлагаетъ правительству заняться устройствомъ ремесленныхъ союзовъ или рабочихъ артелей, которые были бы чѣмъ-то среднимъ между цѣхами и английскими trade-unions'ами. Цель такихъ союзовъ заключалась бы в широкой организации взаимной помощи, в регламентации труда и прискаиваніи работы для своихъ членовъ. Изъ представителей рабочихъ и работодателей были бы учреждены соединенныя синдикальныя камеры, которые, хотя на короткія промежутки времени, устанавливали бы по общему соглашенію всѣ условія труда — минимумъ почасной платы, максимумъ часовъ работы и пр. В случае несогласія сторонъ, спорные вопросы рѣшались бы правительственными чиновниками или делегатами. Союзы эти должны были бы принимать мѣры, чтобы рабочие, почему нибудь лишившіеся заработка, могли продолжать выплачивать свои взносы в кассы страхования и такимъ образомъ сохраняли бы за собой право вспомоществованія на случай болезни, увечья и старости. Этимъ путемъ Brentano надѣется обезпечить рабочимъ постоянный заработокъ и пользованіе выгодами принудительнаго страхования. В сущности, проектъ Brentano мало чѣмъ отличается отъ другихъ двухъ типовъ государственной организации труда, заимованныхъ авторомъ, — от принудительной работы и системы чиновничества. Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ государство является всемогущимъ распорядителемъ, определяющимъ безапелляционно степень участія рабочихъ в благодѣяніи цивилизации и культуры, а такъ какъ в странахъ съ наиболее развитою промышленностью правительство есть ничто иное, какъ организованная буржуазія, то рабочие, сгруппированные в ремесленные артели Brentano, обучаются всецѣло в рукахъ фабрикантовъ и патროновъ. Тѣмъ не менѣе способъ рѣшенія вопроса, предлагаемый Brentano, далеко не находится в противорѣчій съ принципами нѣмецкаго государственнаго социализма, который не только рисуетъ себѣ в будущемъ идеальную картину централизованнаго Volksstaat'a, но и на настоящее конкresco-буржуазное государство смотритъ, какъ на орудіе коммунистическихъ реформъ. Извѣстно, что социал-демократы еще недавно вѣрили в возможность осуществленія своего идеала легальнымъ путемъ и разочаровались в этомъ только послѣ закона противъ социалистовъ. Социализмъ, по ихъ мнѣнію, является, смотря по обстоятельствамъ, то вопросомъ культурнымъ (Culturfrage), то вопросомъ насилія (Gewaltfrage). Своими репрессивными мѣрами правительство закрыло для социал-демократовъ культурный путь и навязало имъ путь насилія, путь революционной борьбы. — Все это такъ, но не пужно забывать, что социализмъ, ставившійся вопросомъ насилія, не перестаетъ отъ того быть вопросомъ культуры. Всякое революціонное движеніе, политическое или экономическое, непременно подготавливается культурнымъ процессомъ, эволюціей идей и социально-политическихъ отношеній, и творческая дѣятельность революціонеровъ выражается не столько въ устройствѣ баррикады, въ сочиненіи

конспирацій и декретовъ, сколько въ активномъ участіи ихъ въ повседневной умственной, экономической и политической жизни своего времени. Непониманіе этой истины погубило анархическую фракцію интернаціонала, состоявшую преимущественно изъ представителей романскихъ народовъ. Своимъ догматомъ невыплатательства въ политическую борьбу и презрительнымъ отношеніемъ ко всякаго рода дѣятельности на экономической почвѣ, за исключеніемъ чисто разрушительной и инсургентской, анархисты исключили себя изъ дѣйствительной жизни, изолировали себя отъ массы и ушли сочинять въ тѣни своихъ тайныхъ комитетовъ планы неосуществимыхъ возстаній и социальныхъ ликвидаций. Наоборотъ, «мечтательные» пѣмцы сумѣли въ этомъ случаѣ остаться людьми отъ міра сего. Благодаря дѣятельному участію въ политической борьбѣ и своей образцовой организаціи взаимной экономической помощи, социалдемократы сдѣлались силой и остались ей до сихъ поръ, не смотря на репрессивныя мѣры, которыя не могли помѣшать проведенію ими въ парламентъ сравнительно большого числа депутатовъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность пѣмскихъ государственныхъ социалистовъ заслуживаетъ полного подражанія со стороны социалистовъ-федералистовъ. Нельзя сказать того-же самаго про ультра-государственный централизмъ, который насквозь пронизанъ социаль-демократіей. Эта черта составляетъ связующее звено ихъ съ самыми реакціонными политическими партиями и въ ней лежитъ объясненіе того, на первый взглядъ, парадоксальнаго явленія, что какой нибудь Бисмаркъ вдругъ входитъ въ сношенія и въ конспирацію не только съ Шэффасъ, но и съ Лассалемъ. Для всякаго, конечно, очевидно различіе между социализмомъ князя Бисмарка и, напр., социализмомъ Бебеля или Фольмара. Но попробуйте расположить въ одинъ рядъ по уменьшающимся степенямъ радикальности всѣ многочисленные программы революціоннаго и консервативнаго социализма, отъ социалдемократовъ и катедры-социалистовъ и вплоть до настора Штеккера и Бисмарка, и вы затруднитесь сказать, гдѣ кончается искренній социализмъ и гдѣ начинается политиканство и спекуляція — до такой степени всюду преобладаетъ одна и таже общая черта: культъ централизованной государственной власти.

Самю собою понятно, что социаль-демократы относятся отрицательно къ социалистическимъ затѣямъ князя Бисмарка. Повидимому, и масса рабочихъ отлично понимаетъ, что проектъ принудительнаго страхованія придуманъ правительствомъ, только для отвода глазъ. По крайней мѣрѣ, самъ князь Бисмаркъ жаловался, что во время послѣднихъ выборовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ рабочее населеніе, были всюду выбраны кандидаты, враждебные правительству. Эдакая неблагодарность!

КЪ БІОГРАФІИ А. И. ЖЕЛЯБОВА.

Мы только что получили небольшую, но очень интересную брошюрку: «Андрей Ивановичъ Желябовъ». (Складъ у Н. Georg. Corrairie, Genève. Ц. 1 фр. Сборъ въ пользу «Краснаго Креста Народной Воли»). Какъ видно изъ объявленія на оберт-

кѣ, брошюра есть первый выпускъ изъ цѣлой серіи: за нею обѣщаются — біографіи Софіи Перовской и Николая Кибальчича. Сюда слѣдуетъ прибавить и біографію Гриневецкаго, напечатанную въ 1-мъ выпускѣ «На Родинѣ». Это стремленіе русскихъ революціонныхъ кружковъ къ изданію біографій своихъ извѣстныхъ дѣятелей кажется намъ явленіемъ характеристическимъ. Независимо отъ чисто товарищескаго желанія почтить память близкихъ лицъ, мы видимъ здѣсь стремленіе отдать отчетъ обществу въ своей работѣ и жизни, а также объяснить свои собственные идеи и цѣли посредствомъ взгляда на недавнее прошлое и тѣмъ и другимъ выйти изъ тѣсныхъ и партіонныхъ рамокъ на широкое общественное поле. Само собою разумѣется, что послѣднее возможно только при полной искренности и фактичности историко-біографическаго изложенія.

Въ этомъ отношеніи, надо сказать, что брошюра о Желябовѣ, равно какъ и біографическая статейка о Гриневецкомъ, производятъ самое пріятное впечатленіе. Не велико количество разсказанныхъ въ нихъ фактовъ, но вы чувствуете вполне ихъ жизненную правдивость; живыя детали не только не пожертвованы ради кружковыхъ и партіонныхъ формулъ и соображеній, но часто прямо противорѣчатъ многому изъ того, что еще недавно выдавалось за догматы партіи, къ которой принадлежали герои названныхъ біографій, и что, будучи указываемо лицами, не принадлежавшими къ кружкамъ, принималось съ явнымъ раздраженіемъ въ этихъ кружкахъ*). Когда съ такою же искренностью (но съ большею полнотою) будутъ изданы біографіи десятка—другаго лицъ изъ числа русскихъ революціонеровъ, тогда, конечно, можно будетъ сдѣлать очень интересные обобщенія. Пока двѣ изданныя біографіи интересны въ особенности потому, что показываютъ фатальность перехода русскихъ социалистовъ-пропагандистовъ въ политики-террористы, а біографія Желябова даетъ намеки и на ходъ сложения въ средѣ этихъ послѣднихъ якобинско-централистическаго на правленія, которое, по нашему глубокому убѣжденію, кончитъ тѣмъ, что принесетъ страшный вредъ прежде всего самимъ русскимъ революціонерамъ.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ одинъ документъ, который можетъ способствовать уясненію какъ личности Желябова, такъ и хода развитія его близкихъ, а также ихъ политическихъ идей и желаній, — а потому теперь, послѣ напечатанія брошюры о немъ, мы считаемъ возможнымъ напечатать его почти цѣликомъ, съ исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ находятся слѣшкомъ личные указанія. Это письмо къ намъ Желябова, полученное нами лѣтомъ 1880 г. и изъ котораго мы уже привели разъ небольшую выдержку въ одной изъ главъ «Исторіи. Польши и Велико-русской Демократіи». Вотъ это письмо:

*) Таковы, напр., въ брошюрѣ о Желябовѣ страницы о «конституціонализмѣ» Ж—ва (10, 26), объ искренности предательства Гольденберга (21—22), о разногласіяхъ между «землепольцами», о противорѣчіяхъ въ ихъ программахъ и т. д.

«Понедѣльникъ, 12 мая (1880 г.)

Многоуважаемый

Михаилъ Петровичъ!

Два раза пришлось намъ встрѣтиться, теперь приходится писать, и все при обстоятельствахъ крайне своеобразныхъ. Помню первую встрѣчу въ 1873 году въ Кіевѣ, на квартирѣ X и У Сидитъ кучка старыхъ, престарѣлыхъ пикистовъ за самозваннымъ столомъ, сосредоточенно изучая ремесло. То знаменіе «движенія въ народъ» для жизни честной, трудовой.... Программа журнала «Впередъ» прочтена и признана за желательное. «Но какова-то дѣйствительность?» спрашивалъ себя каждый и спѣшилъ погрузиться въ невѣдомое народное море. Да, славное было время!... Наступила зима 1875—76 г. Тюрьмы переполнены народомъ; сотни жизней перебиты; но движеніе не унялось; только пріемъ борьбы перемѣнился, и на смѣну пропаганды научнаго социализма, умудренныя опытомъ, выдвинули бойцы на первый планъ агитацію словомъ и дѣломъ на почвѣ народныхъ требованій. Въ то же время всколыхнулась украинская громада и, вѣрная своему основному принципу народолюбства, замыслила цѣлый рядъ предпріятій на пользу родной Украины. Въ эту зиму вы пріѣхали въ NN... и мы повидались съ вами вторично... Много ли времени ушло, подумаешь, а сколько перемѣн!... Взять хоть бы этотъ уголокъ — Я видѣлъ разцвѣтъ тамошней громады, ея живыя начинанія. Медленно, но непрерывно сменялись тамъ въ одно два революціонные потока — обще-русскій и украинскій; не федерация, а единство было недалеко, и вдругъ... все пошло прахомъ. Соблазнились старики выгодой легальнаго положенія; медлили покинуть насиженные гнѣзда, и погибли для борьбы славные люди; погибли начинанія. На мѣстѣ ихъ грубое насиліе нагло праздновало побѣду. Но что смутило торжество злорадныхъ? нагнало панику на нихъ? Не совѣсть ли проснулась въ гонителяхъ безпощадныхъ? То остатки пародниковъ революціонеровъ начали наступленіе, но ужъ по новому плану борьбы. Трусливые тираны инстинктивно познали, что слабое мѣсто ихъ открыто, что власть и самая жизнь ихъ — на кону. Какъ звѣрь, почувствовавшій глубокую рану, стало правительство рвать и метать, не разбирая своихъ и чужихъ, а Дамокловъ мечъ по прежнему недосыгаемо, грозно виситъ надъ его головой... Пришло раздумье на начальство: не поступиться ли? Правительству стало яснымъ положеніе его: всѣ считают дни его сочтенными; правительственной поддержки ему ни отъ кого; только трусость, своекорыстіе и неспособность къ солидарному дѣйствию въ однихъ, да расхожденіе въ пониманіи ближайшихъ задачъ между другими удерживаютъ правительство отъ паденія. Своевременно уступить подъ благовиднымъ предлогомъ — таково требованіе политики; но не того хочетъ властолюбивый старикъ и, по слухамъ, его сынъ. Отсюда двойственность, колебаніе во внутр. политикѣ. Въ расчетѣ лишить революцію поддержки, Лорисъ родитъ упованья; но, безсильный удовлетворить ихъ, приведетъ лишь къ пущему разочарованью. Какой удобный

моментъ для подведенія итоговъ! А между тѣмъ все молчитъ; молчатъ, когда активное участіе къ дѣлу революціи всего обязательнѣе, когда два три толчка, при общей поддержке, и правительство рухнетъ. Огъ общества, всегда дриблагое, многого требовать нельзя; но русскіе революціонеры, какой процентъ изъ нихъ борется активно? Расхождение въ пониманіи ближайшихъ задачъ...

Неужто и Вы, Михаилъ Петровичъ, не признаете близкихъ реальныхъ выгодъ для народа отъ нашей борьбы? Этого не можетъ быть: за насъ Ваши литературныя произведенія, Ваша отзывчивость на живое дѣло, Ваша склонность найти практической исходъ. Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла мѣшали поѣздамъ нашимъ съ цѣлями организационными и, въ частности, для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее путемъ печати. Выходитъ въ результатѣ, что комментаторамъ ея вообще, а за границей чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать Ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если Вы пришлете критику ея чрезъ ZZ, пока не будутъ установлены межъ нами непосредственныя отношенія, а, можетъ быть, и сотрудничество Ваше въ «Народн. Волѣ». Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: Вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщитъ податель письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михаилъ Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ «батькой!» А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмъ... за Учред. Собр. Во первыхъ, не хотѣтъ понять, что Учр. Собр. въ нашихъ глазахъ только ликвидационная коммиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такіе, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феи, Парнеллы? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическія, видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части и требуешь Учр. Собр. Не велика заслуга предъ обществомъ аскета-хранителя общезвѣстнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами.

Еще одна просьба къ Вамъ, Михаилъ Петровичъ! Не согласитесь ли Вы быть хранителемъ нашего архива? Матеріалъ тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается здѣсь чуть ли не періодически. Храненіе это мы предлагаемъ Вамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) право собственности на архивъ остается за нами; ни одна

вещь оттуда не можетъ быть отчуждена; 2) въ отношеніи пользованія матеріалъ будетъ подлежать на двѣ части, изъ коихъ одной можете пользоваться свободно; другая связана съ живыми людьми и текущими дѣлами; пользоваться ей Вы могли бы, получивъ въ каждомъ частномъ случаѣ наше согласіе; 3) передать архивъ на храненіе можете съ нашего согласія; 4) узнавать насъ (редакцію «Н. В.» по царю, зашифрованному ниже ключомъ, Вамъ извѣстнымъ*)...

Письма этого нельзя оставить безъ какихъ-либо объясненій. Прежде всего мы должны замѣтить, что Желябовъ не совсемъ точно передаетъ сущность отношеній своего кружка съ тою изъ украинскихъ громадъ, которую онъ знаетъ. «Единство», о которомъ онъ говоритъ, никогда не имѣлось въ виду этою громадою, а именно имѣлась въ виду только «Федерация». Единство невозможно ни для какого украинскаго кружка съ никакимъ «русскимъ кружкомъ», ни партіей до тѣхъ поръ, пока русскіе кружки не откажутся отъ теорій единства Россіи и не признаютъ украинскій народъ націей, совершенно на равной ногѣ съ великорусскою, польскою и т. п. со всеми практическими послѣдствіями такого признанія. Кромѣ того, не только единство, но даже тѣсный союзъ между русскими и украинскими кружками затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе кружки могутъ вполне удовольствоваться дѣятельностью въ предѣлахъ русскаго государства, Россіи, тогда какъ украинцы должны дѣйствовать и въ Австріи, — для чего необходимы, конечно, и силы, и средства, затрата которыхъ «русскимъ» всегда кажется лишнею. По этимъ и по другимъ еще причинамъ, вытекающимъ изъ различія положенія населенія великорусскаго и украинскаго, между «русскими» и украинскими кружками возможна именно только федерация, — т. е. условная взаимная помощь, преимущественно для самозащиты отъ общаго врага и для борьбы съ нимъ, а также для достиженія ближайшей общей цѣли. Такимъ врагомъ является русское самодержавіе (одинъ изъ враговъ украинскаго населенія), — а такою цѣлью (одна изъ украинскихъ цѣлей) — политическая свобода въ Россіи. Сколько намъ извѣстно, въ такомъ смыслѣ заявляла (въ 1878—79 г.) готовность къ федерации съ русскими революціонерами и та громада, о которой упоминаетъ Желябовъ. Но практическое осуществленіе такой федерации замедлялось, какъ желаніемъ со стороны русскихъ «единства», а не федерации только, такъ и тѣмъ, что въ то время еще болѣе, чѣмъ теперь, разные русскіе кружки говорили не отъ себя только, а непремѣнно отъ имени всей русской соц.-рев. партіи, при всѣхъ несогласіяхъ и даже противурѣчійхъ стремленій и идей каждой изъ нихъ (которыя теперь выступаютъ наружу и въ такихъ, напр., публикаціяхъ, какъ біографія Желябова), — такъ что нерусскимъ, украинцамъ, трудно было опредѣлить, съ кѣмъ-же и съ чѣмъ собст-

*) Ключъ этотъ оказался намъ неизвѣстнымъ. Вѣроятно, онъ былъ переданъ намъ, при другомъ случаѣ, да не дошелъ. Подобное случалось не разъ.

венно они могутъ федерироваться. Въ данномъ же случаѣ между украинскаго громадою, о которой идетъ рѣчь, и многими русскими кружками, которые тогда заявляли себя въ революціонной дѣятельности и печати, существовали и теоретическія разногласія. Такъ, напр., украинцы не могли присоединиться къ такому «народничеству», такому «агитированію на почвѣ народныхъ требованій», какое выразилось въ чигиринскомъ самозванствѣ (построенномъ, между прочимъ, на основѣ болѣе великорусской, нежели украинской), которое тогда было восхваляемо въ южныхъ русскихъ кружкахъ (см. между прочимъ въ брошюрѣ о Желябовѣ, стр. 15) и въ «Землѣ Волѣ» *). Не соглашалась упомянутая украинская громада также признать тайныя убійства шпіоновъ, предателей, чиновниковъ и т. п. дѣломъ принципиальнымъ и партійнымъ, а не случайнымъ, которое слѣдуетъ брать на чисто личную советъ, — и признавала изъ дѣйствій оружіемъ принципіальными дѣлами только открытую самооборону и такое же нападеніе на политическую власть. Вопросъ о царубійствѣ тогда не былъ еще поднимаемъ въ определенной формѣ, но за сказанными сейчасъ ограниченіями, въ украинскіхъ кружкахъ могло бы встрѣтиться себѣ дѣятельное и систематическое сочувствіе только такое покушеніе на царя, какъ нападеніе Березовскаго, который (прямо) поднималъ руку не только на тирана вообще, но и на тирана своей родины, — такъ какъ только такое тиранубійство, мотивированное извѣстными прокламаціями къ украинскому населенію и рѣчами на судѣ, дѣйствительно могло бы произвести глубокое впечатлѣніе на это населеніе **).

Вотъ главные причины, которыя заставляли украинцевъ «медлить покинуть насѣженныя гнѣзда» и пристать въ то «единство», котораго желалъ Желябовъ. А что они далеко «не соблазнились легальнымъ положеніемъ», это подтверждается и словами письма: «и погибли славные люди и начинанья» (вѣрнѣе — продолженія), погибли, впрочемъ, надѣемся, далеко не окончательно.

Перейдемъ теперь ко второй половинѣ письма Ж.—ва. Намъ нѣсколько советно печатать строки, въ которыхъ попадаются не въ мѣру любезныя отношенія насъ слова, по читатель видитъ, что ихъ трудно выкинуть изъ фразъ, выражающихъ мысли и желанія

*) Въ письмѣ Ж. намѣчено, какъ въ русскихъ кружкахъ «научный социализмъ» смѣнился «народничествомъ». Украинскіе социалисты, напротивъ, представляютъ выходъ изъ украинофильскаго народничества къ европейско-научному, политическому и социальному направленію. Направленіе это, конечно, обязываетъ сообразоваться съ особенностями страны и населенія, но не подчиняться имъ до нарушенія научныхъ принциповъ.

**) Читая біографію Ж.—ва, видишь, какъ и на него имѣли влияние и украинская кровь съ материнской стороны (отъ казаки Полтавской губерніи. Кстати скажемъ издателямъ біографіи, что въ Херсонской губ. малор. казакъ нѣтъ, а есть они только въ Черн. и Полт.) и впечатлѣнія украинской поэзіи и исторіи. Но между товарищами Ж.—ва были и болѣе чистые украинцы, — и ни одинъ изъ нихъ ни въ печати, ни въ публичной рѣчи не вспомнилъ своей родины и своего народа! Такого давленія въ данномъ случаѣ не одной официальной школы, но и унитарныхъ доктринъ русскихъ «официальныхъ социалистовъ», употребляя выраженіе Желябова!

самого автора письма и его друзей. Для полной характеристики тех и других мы должны прибавить некоторые объяснения особенно к тому, что не совсем ясно рассказано в письме или на что сдѣлать только намек, который должен был развить податель письма.

Особенно требуетъ объяснений второе предложенье, которое дѣлалъ намъ Ж—въ по порученію товарищей. Это предложенье и есть центральный пунктъ всей послѣдней половины письма Ж—ва. Ж—въ очень хорошо понималъ необходимость литературной пропаганды идей его группы (какъ ни странно, а приходится отмѣчать это пониманіе, какъ похвальную черту въ русскомъ дѣятелѣ) въ Россіи и даже передъ западной публикой (послѣднее тоже надо поставить въ особую похвалу Желязову, какъ русскому дѣятелю). Но съ этой стороны группа «русскихъ социальныхъ революціонеровъ», поставившая себя цѣлью добиться въ Россіи политической свободы, или даже «конституціи», — была въ 1879—1880 г. въ очень странномъ положеніи, особенно передъ западной публикой. Она здѣсь не имѣла вовсе своихъ примыхъ представителей. Большинство русской эмиграціи этого времени состояло: а) изъ старыхъ «соціал-демократовъ» (цѣта «Впередъ»), которые слишкомъ долго боролись, вѣдѣ за своими нѣмецкими образцами, съ либералами, «изъ за классовыхъ интересовъ»*), а въ то же время слишкомъ горячо полемизировали противъ всякаго «бунтарства», чтобъ стать на сторону «конституціоналистовъ» людей въ родѣ Желязова и въ то же время ихъ «терроризма»; б) изъ старыхъ «анархистовъ», которые нѣкогда въ своихъ органахъ сочувственно относились къ «бунтарству», «пропагандѣ фактами» и т. п., — но съ полнымъ отвращеніемъ смотрѣли на всякую «политику»; в) изъ нихъ, которые писали и говорили публично по-французски, слишкомъ усердно доказывали, что всякое государство, даже и швейцарская федеративная республика, такая же тиранія, какъ и русская деспотія, чтобъ стать, по крайней мѣрѣ сразу, искренними защитниками народно-вольческихъ требованій «учредительнаго собранія». (Одинъ изъ видныхъ людей этой категоріи имѣлъ откровенность прямо сказать одному изъ наиболѣе зараженныхъ «политическими новшествами» землевольцевъ, приглашавшему кой кого изъ эмигрантовъ писать въ «Землю и Волю» послѣ лѣта 1879 г., что писать онъ не будетъ, такъ какъ онъ провидитъ въ новѣйшихъ «политикахъ» — «будущихъ нашихъ враговъ»); г) изъ «чернопередѣльцевъ», только что явившихся послѣ напечатанія 1 № ихъ журнала съ полемическими замѣчаніями противъ «политиковъ», замѣчаніями, которые станутъ теперь болѣе понятными послѣ брошюры о Ж—въ**).

*) Сравни эту борьбу съ идеями Ж—ва, изображенными на стр. 10 его биографіи.

**) Была еще одна группа въ эмиграціи, т. наз. набатчиковъ, въ числѣ которой находилась и довольно замѣтная литературная сила, которая могла бы очень пригодиться въ революціонной публицистикѣ именно новѣйшаго народно-вольческаго направленія. Группа эта не переставала говорить еще съ 1874

Правда, что въ парадныхъ случаяхъ всѣ эти категоріи говорили о «мужественныхъ борцахъ противъ русскаго царизма», какъ о своихъ братьяхъ, а въ такіе минуты, какъ, напр., время ареста Гартмана въ Парижѣ, и классовые противники всякой буржуазіи, и анархисты, и народники бросались и къ «буржуа» Клемансо, и даже къ «диктатору» Гамбеттѣ и М-с Adam, напоминали французамъ 1789 г., а швейцарцамъ Теля (мифическаго) и республику, — но отъ этого туманъ представленій о томъ, чего же собственно добиваются русскіе революціонеры, едва ли даже не усиливался, — и Желязовъ совершенно былъ правъ, когда писалъ намъ, что «комментаторами стремленій его партіи за границей являются лица, отрицающія ихъ вполне или въ значительной степени».

Между тѣмъ группа русскихъ «террористовъ» все болѣе и болѣе заставляла говорить о себѣ и З. Европу. Въ печати этой послѣдней тоже не было органовъ, которые бы могли стать «комментаторами» дѣйствій и стремленій группы. «Народовольцы» продолжали называть себя «соціально-революціонной партіей», а потому вселесоциалистическая печать въ Европѣ смотрѣла на нихъ, какъ на чужихъ и даже враговъ. Ими же «инглизистовъ», которое давали русскимъ революціонерамъ и употребленіе котораго поддерживали даже некоторые изъ русской эмиграціи, еще болѣе отталкивало отъ нихъ европейское общественное мнѣніе, даже въ весьма радикальныхъ кругахъ. Изъ органовъ социалистическихъ, изданій соціал-демократовъ, преимущественно нѣмецкихъ, съ которыми были связи и у русскихъ соціал-демократовъ, открещивались всѣми силами отъ русскаго терроризма и инглизизма и по временамъ даже ругали ихъ довольно неприлично. Органы же анархическіе, преимущественно французскіе, (а также blankетскіе, съ которыми, собственно, ничего общаго не должно было имѣти анархисты) восхваляли русскихъ террористовъ, называли ихъ своими братьями и ставили ихъ въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, и тѣмъ, конечно, возбуждали противъ этихъ «русскихъ братьевъ» всю свою сколько нибудь умѣренную публику, которая опасалась, что динамитный способъ политической борьбы появится и въ европейскихъ конституціонныхъ странахъ и республикахъ. Сгорая чинные западные панегирисы русскихъ «инглизистовъ» (друзья ихъ такъ и называли!), желая представить сво-

го о необходимости активной политической борьбы противъ русскаго правительства, по примѣндала въ свои писанія крайне несимпатическіе приемы, такъ, что вызвала противъ себя почти общее нерасположеніе въ средѣ русскихъ революціонеровъ. Оно выразилось, между прочимъ, заявленіемъ, напечатаннымъ въ 8 — 9 № «Общину», о томъ, что «у русскихъ соц.-революціонеровъ ни съ издастелами «Набата», ни съ теоретиками, которые они проводятъ, ничего общаго быть не можетъ». (Подписано: Ив. Бохановскій, Л. Дейчъ, Вѣра Засулицъ, Сергій Кравчинскій, Яковъ Стефановичъ). Интересно между прочимъ въ этомъ заявленіи слова, — что русскіе революціонеры «кружки не подчинены никакой центральной власти; они организованы на началахъ федеративныхъ и признаютъ основнымъ принципомъ своихъ убѣжденій, что освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа». (Курс. подл.)

нихъ братьевъ людьми рѣшительными и повсемѣстными, повторяли о нихъ всѣ выдумки и даже клеветы русскихъ и западныхъ консерваторовъ и даже просто досужихъ фантазеровъ газетчиковъ (преимущественно австрійскихъ), приписывая имъ разныя дѣла до поджоговъ городовъ и крупныхъ кражъ и вымогательствъ денегъ. Тѣ русскіе эмигранты, которые принимали участіе въ западной социалистической печати и собраніяхъ (преимущественно анархическаго направленія) поставили себя въ еще болѣе ложное положеніе, чѣмъ масса эмигрантовъ: по чувству товарищества и по другимъ соображеніямъ, они заявляли свою солидарность съ братьями, борющимися въ Россіи, но въ то же время скрывали отъ своихъ западно-европейскихъ единомышленниковъ и тѣхъ противныя западно-европейскимъ теоріямъ и практикѣ приемы, къ какимъ прибѣгали русскіе народники (въ родѣ самозванщины), и тѣ раздѣленія, какія обнаружались въ русскихъ социалистическихъ кругахъ, когда жизнь поставила передъ ними политическій вопросъ, уже порѣшенный въ Европѣ еще до отдѣленія социалистической партіи отъ партій либеральныхъ, — и, наконецъ, то, что ближайшія политическія требованія русскихъ террористовъ въ сущности сводятся къ программамъ европейскихъ буржуазныхъ либераловъ или же якобинцевъ-государственниковъ, а дальнѣйшія — къ программамъ социалистовъ-государственниковъ, т. е. во всѣхъ трехъ случаяхъ къ программамъ партій, съ которыми социалисты-анархисты такъ ожесточенно борются на западноевропейской почвѣ. *)

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Драгомановъ.

*) Когда, по убѣненію Александра II, скрыть многое стало невозможнымъ, такъ какъ во всѣхъ газетахъ напечатаны были прокламаціи Исполнительнаго Комитета и письмо его къ Александру III, тогда одна французско-швейцарская анархическая газета (которая такъ скрыла отъ своей публики слишкомъ уже московско-народническія фразы прокламаціи И. К. къ крестьянамъ о «царѣ—добромъ пастырѣ») перепечатала и самое письмо къ А. III, но написала довольно неловко, придавая этому письму значеніе только ловкаго приема. Конечно, говорила эта газета, — если бѣ И. К. писалъ для нашихъ секцій интернаціонала, то онъ бы не писалъ того, что онъ написалъ А. III. Тамъ пишутъ для нужды борьбы, а не пропаганды. Для пропаганды они даютъ свою кровь: надо жъ имъ дать волю употреблѣть, какъ они хотятъ, чернила. Документъ, который мы опубликовали въ послѣднемъ №, есть образецъ такта и политики, пробѣгающей этой молодой партіей дѣйствія... За чѣмъ требовать много, когда знаешь навѣрно, что царь не дастъ ничего? Если бѣ было хоть малѣйшее сомнѣніе, что царь дастъ что нибудь, то это было бы самымъ резоннымъ испросить у него ничего... («Le Révolté», 1881, № 5). Это писалось какъ разъ въ то время, когда реакціонеры въ Россіи и Европѣ говорили, что Иск. К. надѣваетъ овечью шкуру, чтобъ морочить людей, а что послушайся его царь и созови земскій соборъ съ разными либеральностями, такъ велики И. К. не только «напѣть не перестанутъ», а еще лучше начнутъ. — Какъ характерное явленіе, слѣдуетъ отмѣтить, что въ новѣйшихъ статьяхъ русскихъ эмигрантовъ для европейской публики, напр., въ статьѣ кн. Петра Крапоткина въ «Fortnightly Review», письму Иск. К. къ Александру III-му придается значеніе вполне серьезнаго, искренняго документа, а не только ловкаго пролитія чернилъ.